

**Д.и.н. Вишневский М.Л., ведущий научный сотрудник
Института Африки РАН, заместитель председателя Совета Движения
«За укрепление демократического мирового правопорядка и в поддерж-
ку ООН» (1945—2010)**

**Опубликованные выступления на конференциях и «круглых столах» с
2005 по 2010 год**

**Из сборника «ООН: история и вызовы современности»
(М., Издательство Российского университета дружбы народов, 2006, с.49)**

США и реформа ООН

— То, что США активно стремятся к реформе ООН, стало очевидно с момента развала СССР и социалистического содружества, с одной стороны, и провозглашения доктрины «нового мирового порядка» во времена администрации Джорджа Буша-старшего в начале 90-х годов прошлого века, с другой. Фундаментальные изменения в раскладе сил на международной арене в конце XX века подвигли американские администрации и поддерживающих их политологов теоретически обосновать и начать претворять в жизнь идею реформ в этой организации.

Речь идет о стремлении американской правящей элиты в полной мере использовать в свою пользу возникшие возможности после превращения США в единственную сверх державу на мировой арене. Внимательное изучение основополагающих материалов по современной американской внешней политике (имеются в виду доклады «Глобальные тенденции 2015» и «Карта мира 2020», а также «Концепция национальной безопасности Соединенных Штатов Америки», введенная в действие в сентябре 2002г.) позволяет предположить, что стоящие в США у власти круги стремятся создать некую «Американскую империю», где нет места содружеству наций, объединенных в ООН, а есть подобие «Мирового правительства», которое принимает решения, касающиеся всего человечества. Как говорил в этой связи известный американский политолог, в прошлом помощник президента США по вопросам национальной безопасности в администрации Джимми Картера — Збигнев Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска», такие решения должны приниматься в Вашингтоне, округ Колумбия.

Особенно активно администрация Джорджа Буша-младшего приступила к реформированию ООН после провала своей агрессии в Ираке (в ней также приняли непосредственное участие Великобритания, Испания и ряд других государств), поскольку СБ ООН так и не принял решения по этому вопросу весной 2003г. и соответственно не давал никаких полномочий как США, так и другим странам осуществить то, что они впоследствии сделали с этой страной, ее природными богатствами и культурным наследием. Как представляется, в условиях фактической оккупации Ирака (там продолжают находиться более 100.000 американских и других военнослужащих из стран-членов НАТО) никакие выборы не могут быть подлинно демократическими и отражать волеизъявление иракского народа. Только сами люди в условиях полной свободы мнений могут решить, кто должен находиться у власти, придать легитимность руководителям страны.

Вот уже два года там продолжается активное сопротивление народных масс против натовских оккупантов и конца ему не видно. Несомненно, что порядок в этой стране будет восстановлен только после полного вывода всех иностранных войск и восстановления у власти законного президента Саддама Хусейна (существующий в качестве президента в Ираке политик не может рассматриваться, по моему мнению, в качестве законного руководителя, поскольку его выборы проходили под контролем оккупационной администрации и достаточно большая масса населения не участвовала в них-речь идет о суннитской общине, которая их просто бойкотировала, равно как она также поступает в отноше-

нии навязанной стране Конституции) и оплаты бывшими оккупантами всего ущерба, причиненного Ираку и его населению в результате ничем не спровоцированной агрессии членов НАТО во главе с США.

Американский план реформирования ООН был изложен в выступлениях президента Буша-младшего, государственного секретаря К. Райс, других высокопоставленных чиновников государственного департамента, в опубликованных оперативных материалах по этому вопросу. Вкратце суть предложений нынешней администрации сводится к следующему:

- поскольку США выплачивают большую часть бюджета ООН, эта страна имеет право контролировать выполнение всех программ и влиять на действия данной организации;

- США поддерживают план создания Совета по правам человека, который призван осуществлять контроль за их соблюдением в американском понимании всеми другими странами мира;

- должна быть создана Комиссия по мирному строительству в странах, которые пережили конфликтные ситуации, где осуществляются проекты в сфере реконструкции и стабилизации. Эта Комиссия будет работать при СБ в качестве его консультативного органа; ее решения будут приниматься на основе консенсуса;

- в области содействия экономическому развитию стран мира ООН следует сосредоточиться на американских программах в этой сфере. Для США, равно как и для других стран мира (как очевидно считают в Вашингтоне), крайне невыгодно допустить полное обнищание других стран, поскольку исчезают рынки сбыта и происходит радикализация населения, опасное с точки зрения мировой стабильности и роста социальных конфликтов и терроризма;

- при ООН создается Фонд поддержки демократии для финансирования действий партий и институтов в мире;

- будет заключена Всеобщая конвенция по борьбе с международным терроризмом, в рамках которой будет предусмотрено положение о том, что содержащаяся в Уставе ООН право на сопротивление агрессии не будет служить оправданием для репрессий в отношении гражданского населения.

Предусмотрены также реформы в деятельности СБ ООН. Как представляется, изложенный выше материал не нуждается в специальных комментариях, поскольку с полной очевидностью демонстрирует изложенный выше тезис, что вся реформа ООН проводится в интересах внешней политики США, направленной на достижение мирового господства.

Вместе с тем, дискуссия на юбилейной 60-й Генеральной Ассамблее ООН показала, что подавляющее большинство стран мира отнюдь не стремится к радикальному реформированию этой организации. Причины такой их позиции вполне понятны. Реформа в ООН в американском стиле затрагивает интересы таких крупных государств, как Россия и Франция-победительниц во Второй мировой войне. Ведь, все прошедшие годы эти великие державы вполне успешно использовали возможности ООН при проведении своей внешней политики. В реформе ООН, превращающей эту организацию как-бы в составную часть некоей «американской империи», скорее всего не заинтересованы и страны Азии, Африки и Латинской Америки, которые видят в системе Объединенных Наций полезную для себя структуру, позволяющую решать или участвовать в решении очень многих, если не всех, стоящих перед ними актуальных внешнеполитических проблем. Даже такие крупнейшие по численности населения страны мира, как КНР и Индия, которые при необходимости располагают ресурсами и возможностями самостоятельно, без участия ООН решать многие важные проблемы своей внешней политики, также поддерживают существование этой организации в том виде, как она сложилась и функционирует в настоящее время, поскольку по-прежнему видят в ней важный форум для изложения своих идей и взглядов, инструмент для реализации глобальных планов и намерений.

В этой связи не выдерживают критики утверждения ряда политологов и журналистов (например, специального корреспондента газеты «Коммерсант» Валерия Панюшкина) о неизбежности краха или распада ООН в том виде, как она сформировалась в 1945 г., поскольку изменился мировой политический расклад сил. Он действительно изменился, и этот факт со всей настойчивостью стремится использовать в своих интересах администрация Дж. Буша-младшего. Но соответствует ли ее видение проблем реформирования ООН чаяниям, точкам зрения остального мира или его основной части, вопрос, который так и не нашел окончательного решения на юбилейной сессии ГА, судя по материалам дискуссии. Складывается впечатление, что кроме США все остальные страны мира, не отбрасывая полностью идею реформирования ООН, отнюдь не склонны соглашаться с американским радикализмом. Организация Объединенных Наций в том виде, как она существует в настоящее время, имеет очень многих сторонников, сопротивление которых своим планам будет крайне трудно сломить дипломатии США.

Обсуждение доклада К. Аннана «При большей свободе» и призывов к перемене ООН в мире Информационном центре ООН в Москве. Бюллетень по итогам обсуждения вышел в мае 2005 г.

- Начну с темы терроризма. Мне представляется, что терроризм — это асимметричный ответ более слабых на насилие со стороны более сильных. И поэтому надо обязательно в самое кратчайшее время заключить международную конвенцию, включая определение того, что такое терроризм.

Теперь что касается триады «развитие, безопасность, права человека». Свобода людей самим выбирать своих руководителей, как записано в докладе Генерального секретаря, в соответствии с законом и так далее, не может быть реализована в условиях внешнего диктата и насилия. Считаю, что такое замечание особенно относится к США, ибо как раз их президент провозглашает универсальность американской точки зрения на демократию и свободу личности и намерен добиваться своей цели путем навязывания другим взглядов Вашингтона. Поэтому, если мы хотим, чтобы свобода и права человека были обеспечены в должном объеме, мы должны создать какой-то механизм, который помогал бы реализации этих прав и свобод, несмотря на внешнее давление.

Далее о государстве и частном секторе. Складывается впечатление, что частный сектор приравнивается в докладе Генерального секретаря по своему значению к государству - субъекту международного права. Мне кажется, что это ошибочно, поскольку Устав ООН подписали государства, а не другие какие-то организации неправительственного или частного характера. Наоборот, нужно укреплять роль государства, как основного действующего лица в международных делах. Вызывает сомнения способность частного сектора подчиниться международной законности, как предполагает Генеральный секретарь. У частного сектора совсем другой основополагающий принцип — это прибыль, коммерческий интерес. Я не знаю примеров, когда частный сектор как-то подчинялся международной законности, у него свои правила игры.

О важности следования всех членов ООН международному праву. Это очень хороший принцип, который действительно необходим, но опять-таки США отказались присоединиться к Статуту Международного уголовного суда под тем предлогом, что его решения в отношении американцев могут быть политически мотивированными. Получается, что ведущая страна мира, которая поучает всех и каждого, как нужно жить, сама отказывается подчиняться международному праву. Нужно убедить США присоединиться к МУС.

Здесь кем-то было сказано о том, что право на вмешательство возникло якобы после 1945 г. Мне представляется, что это неверно. Напомню, к примеру, что в 1846 г. президент США Джеймс Нокс Полк накануне агрессии против Мексики и войны в Техасе, говорил о том, что США имеют право вмешиваться в дела других государств для защиты американских поселенцев, которые там осваивают какие-то земли. То есть уже в 1846 г. было право на вмешательство.

И последнее. В моих руках законопроект, который предложил один из конгрессменов от штата Техас. Он называется «Акт о восстановлении американского суверенитета» и предполагает, что США должны отказаться от своего членства в ООН и «попросить» ООН с территории своей страны. С этой точкой зрения можно было бы и согласиться. На самом деле, если США так ведут себя на международной арене, почему бы ООН не перебраться, предположим, в Женеву, в Швейцарию? Но встает вопрос, насколько это с практической точки зрения будет хорошо. Потому что в

какой-то мере присутствие ООН на территории США сдерживает американскую агрессивность. Если мы сейчас уберем ООН с территории США, тем самым мы окончательно развяжем руки этой стране для проведения своей великодержавной внешней политики.

Из сборника «Россия в ООН: потенциал сотрудничества» (№8-окт.2006)

– Тема моего выступления – некоторые идеи о возможности взаимодействия России и США в Совете Безопасности ООН по проблемам стран Африки.

Прежде всего, следует рассмотреть саму возможность такого взаимодействия. Проблема состоит в том, что эти две державы имеют собственную историю развития и разные понятия о своем предназначении в мире и о том, как изменить мир к лучшему. Не секрет, что в годы «холодной войны» наша страна и США были яростными противниками. Формально или косвенно они участвовали во многих локальных конфликтах, разгоравшихся в мире. Иногда их конфронтация принимала опасные формы с точки зрения мира и безопасности на нашей планете, как это случилось в октябре 1962 г. во время т.н. «Карибского кризиса».

Основная причина нынешних перемен во внешней политике двух держав состоит не в том, что в СССР в 1991 г. к власти пришли другие политики с иным мировоззрением, а понимание руководителями этих государств той истины, что им следует находить неконфронтационные пути в своих отношениях, если они хотят мира и безопасности. Убеждение, что всеобщее выживание тесно взаимосвязано с укреплением доверия, наконец-то, стало основой политического мышления. Okрепло понимание, что ткань доверия между нациями и народами соткана из многочисленных нитей взаимного сотрудничества.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что с самого начала это взаимодействие понималось по-разному в обоих государствах. Для ослабленной по сравнению с СССР России такая линия поведения была абсолютной необходимостью для сохранения своего статуса великой державы на мировой арене.

Для США, как представляется, эта политика взаимодействия с самого начала представляла собой средство сделать Россию после поражения в «холодной войне» более восприимчивой к целям американской внешней политики.

Грандиозный план президента Джорджа Буша-старшего создать «новый мировой порядок» выглядел как попытка объединить все народы и государства мира под американским руководством и привести их к глобальному единству, а именно: глобализации. Ее принципы были разработаны в 1988 г. экспертами Мирового банка (речь идет о т.н. «Вашингтонском консенсусе»).

В начале 90-х годов идея взаимодействия с США на мировой арене, в частности – в Африке, была весьма популярна в советских (российских) научных кругах. Отечественные ученые приняли участие в совместной с африканскими и американскими коллегами программе исследований под названием «Сотрудничество в целях развития: Африка, СССР и США». Участники этого проекта твердо верили в саму возможность развития через сотрудничество; они разработали и представили заинтересованным организациям целый ряд конкретных предложений и идей, согласно которым СССР и США могли бы совместно работать для обеспечения экономического прогресса стран Африки.

Сегодня же для России участие в формировании «нового мирового порядка» следует трактовать, как желание проводить свою чисто прагматичную внешнюю политику, в частности – в Африке. Сферы конкретного взаимодействия между Россией и США в Совете Безопасности ООН по африканским проблемам обуславливаются их политикой на этом континенте. В ряде случаев в годы «холодной войны» их интересы сталкивались, создавая дополнительную напряженность во взаимоотношениях двух

держав: примеры такого рода – Ангола, Эфиопия, Ливия. В наши дни, несмотря на то, что Россия присоединилась к антитеррористической коалиции, возглавляемой США, столкновение интересов все еще возможно – в основном в торговых и экономических сферах (в частности, в таких областях, как импорт сырья, экспорт потребительских товаров и продовольствия, торговля оружием).

По-видимому, такое столкновение интересов становится в принципе возможным потому, что США, будучи самой могущественной державой на мировой арене, зачастую не учитывают реальные интересы других стран, стремятся ущемить их законные права, хотя, как прекрасно известно, Устав ООН гласит, что все страны мира имеют равные права и обязанности в мире.

Что касается России, то ее безопасность традиционно основывалась на сильной армии и добрых отношениях с соседями, как на Востоке, так и на Западе. Более того, утверждения о том, что Россия якобы не имеет законных интересов в Африке, по меньшей мере, не понятны любому независимому эксперту. Географически Россия расположена недалеко от этого континента – и ей было бы неразумно полностью игнорировать его проблемы при формулировании своей политики безопасности. Северная Африка – это южное побережье Средиземного моря, где проходят традиционные пути российской внешней торговли. Восточная Африка – это западное побережье Индийского океана, где американская военная активность представляет потенциальную угрозу торгово-экономическим отношениям России со странами его бассейна.

Конечно, проблемы обеспечения безопасности должны решаться политическими средствами. В этом смысле для обеих держав открывается широкое поле взаимодействия. Возможные трудности и препятствия вполне преодолимы, поскольку обе державы имеют ряд сходных интересов в Африке. Среди них – защита окружающей среды, предотвращение или разрешение конфликтов, борьба с незаконным оборотом наркотиков и редкими опасными инфекционными заболеваниями. Здесь же совместная борьба с терроризмом, чему президенты Владимир Путин и Джордж Буш уделяют большое внимание. Их позиция по этому поводу была зафиксирована в «Заявлении о сотрудничестве в борьбе с терроризмом», подписанном американским президентом во время его визита в РФ в мае 2002 г., в итоговых материалах саммита «большой восьмерки» в Санкт-Петербурге в июле 2006 г., в некоторых других документах.

В наше время эта сфера деятельности приобретает большое значение. Хотя Африка не соседствует с Россией, нестабильный исламский мир (в котором африканские страны играют заметную роль) не обходит стороной проблемы с мусульманским населением в Татарстане, Башкортостане, Чечне и некоторых других республиках. Исламские фундаменталисты в африканских государствах, где существует большая прослойка мусульманского населения, распространяют свою враждебность к США и на те страны, правительства которых, с их точки зрения, не поддерживают их антиамериканизм (и не соглашаются с их мнениями по этому поводу).

Надо отметить, что Россия уже участвует совместно с США в разрешении конфликтов в Африке. Например, 1 апреля 1989 г. в соответствии с резолюцией 435 СБ ООН Намибия стала независимой. Поводом для такого решения послужили соглашения между ЮАР, Анголой и Кубой, заключенные при посредничестве США и СССР. Намибийский успех вдохнул новые надежды в сердца тех, кто в то время стремился к эффективному сотрудничеству для решения проблем юга Африки, включая ликвидацию системы апартеида в самой ЮАР.

Со временем становилось все более очевидным, что выполнение этой резолюции в полном объеме стало возможным только в результате снижения напряженности в советско-американских отношениях. Анголо-кубино-южноафриканские соглашения были подписаны 22 декабря 1988 г. в Нью-Йорке в штаб-квартире ООН и были ре-

зультатом не только демонстрации доброй воли двух великих держав в рамках Совета Безопасности, но и их активной позиции по этому вопросу. Как известно, США выступали в роли посредника, СССР – наблюдателя. Обе страны были членами международной комиссии по наблюдению за выполнением подписанных соглашений. Конструктивная позиция СССР и США помогла разрешить целый ряд второстепенных проблем, связанных с выполнением этих соглашений. При этом каждая из указанных проблем могла поставить под угрозу процесс деколонизации Намибии.

В принципе все участники этого процесса преследовали свои собственные цели. Намибия стремилась к независимости. ЮАР хотела избавиться от бремени колониальной войны, которую она не могла выиграть. США хотели реализовать свою давнюю мечту – убрать кубинские войска из Анголы, а СССР намеревался обеспечить переход от конфронтации к сотрудничеству в глобальном масштабе. Разумеется, у каждой из сторон были и другие причины для взаимодействия, но при всех несхожих интересах они стремились к единому знаменателю. И единственный способ для его достижения – поиск компромиссных решений.

В наши дни намибийский опыт все еще может быть востребован в качестве примера для подражания. Как представляется, наиболее многообещающая сфера при этом – российско-американское сотрудничество в рамках СБ ООН по урегулированию конфликтной ситуации в суданской провинции Дарфур. Почему именно по этому вопросу? Ответ состоит в том, что данная проблема непосредственно касается не только США, которые претендуют на разработку крупных месторождений нефти, как в этом регионе Судана, так и на юге этой страны, но и России, с точки зрения ее более широких интересов в исламском мире.

Россия и США вполне могут стать участниками или выступать в роли посредников при переговорах заинтересованных сторон в целях урегулирования конфликтной ситуации в Дарфуре в рамках Совета Безопасности ООН. В этом случае Россия могла бы получить некоторые гарантии невмешательства в ее внутренние дела со стороны африканских исламских фундаменталистов, поскольку исламисты, как в Дарфуре, так и вообще в Африке, будут удовлетворены позицией России, которая поможет им разрешить конфликт. В качестве благодарности, как можно предположить, они откажутся от вмешательства в российские дела. США также могли бы помочь урегулировать суданские конфликты – за это в качестве благодарности население Дарфура и юга Судана не будет препятствовать США добывать там нефть. Африканский союз, который в настоящее время выступает третьей стороной в конфликтных ситуациях в Дарфуре и на юге Судана (в принципе конфликт в этом районе был официально урегулирован еще в апреле 2005 г., но некоторые проблемы все еще остаются), получит возможность декларировать свою позитивную роль при решении африканских конфликтных ситуаций и выведет свои вооруженные подразделения из этого района. Мусульманская милиция («Джанджауид») получит реальную возможность сложить оружие и вернуться к мирной жизни. Наконец, суданское правительство получит перспективу достижения долгожданного мира в рамках всей страны.

Как известно, Соглашение о мирном урегулировании в Дарфуре было подписано в Абудже (Нигерия) еще 5 мая 2006 г. представителями суданского правительства и основной мятежной группировки в этой провинции – Движения за освобождение Судана. Соглашение предусматривало разоружение и нейтрализацию мусульманской милиции и других вооруженных группировок и открывало путь для экономического восстановления провинции и интеграции бывших комбатантов в совместный с населением провинции мирный политический процесс.

Но это соглашение не выполняется в полном объеме всеми его участниками, а Африканский союз как посредник не может заставить их соблюдать свои обязательства.

Именно поэтому в июне 2006 г. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан обратился к членам Совбеза с призывом «употребить все свои усилия, чтобы заставить не только правительство Судана сотрудничать с мировым сообществом в выполнении этого соглашения, но и тех мятежников, которые еще не охвачены мирным процессом, присоединиться к нему – и таким образом гарантировать его выполнение в полном объеме всеми его участниками в полном соответствии с условиями, зафиксированными в Абудже».

31 августа 2006 г. СБ ООН принял резолюцию 1706, касающуюся процесса мирного урегулирования конфликтной ситуации в суданской провинции Дарфур. Совет потребовал от всех вовлеченных в конфликт сторон полного и безусловного выполнения всех положений подписанного в Абудже Соглашения о мире в Дарфуре. В резолюции содержалось также требование о выполнении подписанного в Нджамене (Чад) 26 июля 2006 г. Соглашения между Суданом и Чадом об урегулировании пограничных проблем, возникающих в связи с конфликтом в Дарфуре. Резолюция 1706 потребовала от всех вооруженных группировок, которые не подписали Соглашения о мире в Дарфуре, немедленно сделать это, чтобы сделать мирное урегулирование в этой провинции наиболее полным и долговременным.

Следует отметить, что Россия воздержалась при голосовании этой резолюции. В этой связи можно предположить, что стратегически важные для России интересы в этой африканской стране не были в должной мере учтены при подготовке документа. Данное состояние дел не может быть терпимо и должно быть исправлено в ходе дальнейших переговоров.

Именно поэтому новое соглашение по Дарфуру уже с участием России и США могло бы способствовать решению сложных внутренних и внешних проблем, связанных с этой конфликтной ситуацией, и, наконец, принести долгожданный мир Судану.

В то же время желательно подключение к нему и КНР, поскольку в последние годы эта страна инвестировала крупные капиталовложения в суданскую нефтяную промышленность и поэтому заинтересована в стабильности внутривнутриполитического положения в Судане и позитивном воздействии на все заинтересованные стороны в решении конфликта в этой провинции.

Еще одна сфера возможного взаимодействия России и США в «третьем мире», совершенно немыслимая в годы «холодной войны», - совместные вооруженные действия в целях сохранения у власти демократических правительств в развивающихся странах. При этом необходимо будет учитывать, отвечает ли совместное участие с США в такого рода действиях государственным интересам России. Поскольку в глазах мирового общественного мнения наша страна может ассоциироваться с силовыми методами воздействия на другие страны, которые традиционно характерны для внешней политики США. Кроме того, существует опасность, что в такого рода альянсе Россия, скорее всего, окажется на положении «младшего партнера» сверхдержавы.

В этой связи наилучшим решением для России было бы участие в многосторонних, коллективных действиях, предпочтительно в рамках ООН. Как, например, это произошло в Судане, куда был направлен российский миротворческий контингент в составе 200 человек и четыре вертолета поддержки действий сил быстрого развертывания ООН для обеспечения: а) воздушной разведки, б) транспортировки резервов, в) спасательных операций и т.д.

В принципе решение о взаимодействии с США при такого рода ситуациях должно приниматься от случая к случаю после тщательной оценки всех обстоятельств и учета конкретных интересов всех заинтересованных сторон, чтобы не попасть в зависимость от американской силовой политики.

Вопрос о торговле оружием. Он тесным образом связан с российско-американским участием в многосторонних военных коалициях, в частности – в рамках Совета Безопасности ООН. Изучение проблемы взаимодействия двух держав в области торговли (поставки) оружием (вооружений) в страны Африки следует начинать с выяснения степени вовлеченности России и США в ту или иную конфликтную ситуацию. В практическом плане такие ситуации дают сильный импульс для поиска основ для взаимодействия двух держав в сфере торговли оружием, поскольку потенциально существует опасность потерять контроль над развитием событий, что может вызвать напряженность в двусторонних отношениях. Не секрет, что как раньше, во времена СССР, так и теперь Россия и США являются одними из основных поставщиков различных вооружений в страны «третьего мира».

При этом российско-американское взаимодействие обязательно должно сопровождаться конкретными политическими акциями обеих держав перед заинтересованными правительствами африканских стран. Последние должны знать, что возможные ограничения в экспорте вооружений или даже отказ от их поставки объясняются не враждебным отношением к участникам вооруженных конфликтов, а исключительно стремлением не нагнетать уже возникшую напряженность и создать условия для поиска компромиссных решений. Ограниченные поставки оружия в таких ситуациях могут быть необходимы для изоляции и разоружения бандитских группировок, использующих тот или иной вооруженный конфликт для грабежа и мародерства среди мирного населения.

Российско-американское взаимодействие по контролю над вывозом оружия в страны Африки (и это принципиально важно) не должно рассматриваться как исключительно двухстороннее предприятие. Ясно, что России и США следует координировать свою политику в этом вопросе с другими государствами в рамках Совета Безопасности ООН. Последние также способны поставлять большие партии оружия в страны Африканского континента. Поэтому желательно, чтобы и другие члены Совбеза восприняли идею сотрудничества с Россией и США в данном вопросе.

В целом, можно с уверенностью сказать, что многие африканцы, в том числе занимающие высокие посты, относятся благожелательно к России. В этой благоприятной атмосфере российской дипломатии следует активно искать сферы для взаимодействия с руководителями африканских стран, оставляя в стороне незначительные разногласия. Это будет лишь укреплять авторитет нашей страны на континенте. И если США рассматривают Африку как важный для себя регион мира, то и Россия имеет свои интересы там как с точки зрения политического взаимодействия на мировой арене, так и с позиций торгово-экономического сотрудничества. Более того, статус России в Африке будет только возрастать по мере укрепления российской экономики и соответственно ее веса в международных отношениях. Недавний визит президента В.В. Путина в ЮАР и Марокко наглядно продемонстрировал мировому сообществу, что Россия возвращается на Африканский континент после периода безвременья в результате распада СССР.

Россия не хочет никого «сдерживать» или с кем-то бороться в Африке. Внешнеполитическая концепция России, обнародованная в 2001 г., предусматривает, что Россия будет проводить миролюбивую политику в отношении других стран мира и стремиться к мирному решению международных конфликтов. В частности, Россия хотела бы иметь дружественные отношения и с США, и со странами Африканского континента.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что существует только одна основа для российско-американского взаимодействия в Совете Безопасности ООН по проблемам государств Африки – конструктивное сотрудничество в деле решения их актуальных проблем.

Такая политика России соответствовала бы чаяниям народов Африки, а это способствовало бы не только доброму имиджу России в Совете Безопасности ООН, но и укреплению сотрудничества с ней на мировой арене.

Из сборника «Ближневосточный конфликт: состояние и пути урегулирования» (октябрь 2007 г.)

– Известно, что политика – это концентрированное выражение экономики. И современная ситуация вокруг политического урегулирования на Ближнем Востоке хорошо подтверждает эту мысль. И здесь, прежде всего, следует упомянуть возможное обострение соперничества за мировые энергоресурсы крупных государств, в основном таких экономических и военных тяжеловесов, как США и КНР.

Нынешние попытки США добиться политического урегулирования на Ближнем Востоке, в первую очередь – арабо-израильского конфликта, и подавить волну исламского фундаментализма объясняются, как нам представляется, стремлением создать благоприятный климат для торгово-экономической деятельности в регионе в эпоху прогнозируемого усиления соперничества с КНР и Россией. Судя по докладам, подготовленным американскими экспертами в 2000 и 2004 годах (**Global Trends 2015** и **Mapping The Global Future 2020**), эти государства достигнут опасного для интересов США уровня развития примерно к началу 20-х годов нашего столетия.

В настоящее же время администрация Буша стремится в полной мере использовать накопленный США десятилетиями потенциал, который позволяет Америке сравнительно беспрепятственно вывозить энергоресурсы из стран Арабского Востока. При этом основной поставщик нефти в США – Саудовская Аравия еще какое-то время сохранит свое значение для экономики США.

Вместе с тем, в политическом плане ситуация на Ближнем Востоке становится для США всё более угрожающей, что обусловлено, во-первых, явным произраильским креном в американской политике, во-вторых, последствиями, по существу, проигранных войн в Афганистане и Ираке. Легкой победы, которая позволила бы США диктовать свои условия исламским фундаменталистам, ни в одной из этих стран не получилось. США втянулись в затяжной конфликт с силами, которые путем ведения асимметричных военных действий, как с США, так и с их союзниками по НАТО, стремятся добиться мира с США уже на своих, а не на американских условиях. И в этой войне США терпят одно поражение за другим.

С этой точки зрения можно утверждать, что провозглашенный президентом Бушем в 2004 году и рассчитанный на длительную перспективу «грандиозный» проект создания «Большого Ближнего Востока» не может быть реализован в большей своей части. До тех пор, пока либо его администрация, либо, скорее всего, те, которые придут ей на смену, не осознают всей насущной необходимости уважать мнение исламских фундаменталистов и добиваться компромисса с ними.

Эта необходимость уже находит сторонников в научных кругах США. Об этом говорит выступление 23 января 2007 г. в сенатском комитете по иностранным делам Конгресса США президента Совета по международным отношениям в Вашингтоне Ричарда Хаасса. В прошлом Хаасс длительное время возглавлял Отдел планирования внешней политики Государственного департамента США – и его высказывания как профессионала, хорошо знакомого с

особенностями разработки американского внешнеполитического курса, заслуживают самого пристального внимания.

Во-первых, как предлагает Хаасс, президенту Бушу следует учесть опыт Р.Никсона в отношении Вьетнама и провести, наподобие «вьетнамизации», «иракизацию» своей стратегии, что позволило бы США с наименьшими потерями политического и военного характера вывести в кратчайшие сроки американские войска из этой страны. При этом, по мнению Хаасса (и у него, по-видимому, имеются весомые аргументы для такого утверждения), у президента Буша просто нет альтернативы политике «иракизации». А посылка новой партии военнослужащих в Ирак, которая была недавно осуществлена, может быть оправдана не с военной, а с политической точки зрения, а именно: дать иракским властям больше времени, чтобы добиться стабилизации положения в стране.

Во-вторых, американской администрации следует активизировать процессы израильско-палестинского урегулирования на основе «Дорожной карты» и представить на рассмотрение всех заинтересованных сторон свой вариант окончательного решения проблемы. В этом варианте предусмотреть: а) «право на возвращение» палестинцев распространяется только на территорию Палестины, а не Израиля; б) любое соглашение о мире должно основываться на границах 1967 г. с предоставлением палестинцам по спорным с Израилем и захваченным им территориям территориальных компенсаций и экономической помощи для решения проблемы беженцев; в) США следует добиться поддержки своих усилий со стороны Японии, Европейского Союза и ряда арабских государств, прежде всего Саудовской Аравии. Желательно, чтобы США получили поддержку своей политики на Ближнем Востоке и от России.

Последнее утверждение Хаасса требует отдельного комментария. В принципе разумный компромисс – хорошая вещь, и в прошлом он неоднократно помогал развязывать тугие узлы в международной политике. Как известно, Россия вместе с США и другими государствами участвует в работе международного «квартета», в рамках которого происходит согласование мер по реализации «Дорожной карты» – плана политического урегулирования арабо-израильского конфликта.

В этой связи высказывания Хаасса в американском сенате можно интерпретировать как: а) конкретную рекомендацию администрации Буша относительно направления переговоров в рамках «квартета» и б) косвенное свидетельство заинтересованности США в более активной поддержке своей политики в регионе со стороны других участников переговоров. Второй пункт представляет, по моему мнению, важность для политики России на Ближнем Востоке, поскольку наша страна фактически получает дополнительные возможности для дипломатического маневра в ходе многосторонних переговоров. По сути дела, США показывают определенную слабость своей позиции, которую России следует использовать в своих государственных интересах.

В этой ситуации, как представляется, России следует принять американские дипломатические авансы в рамках «квартета», но обставить свое согласие рядом условий, суть которых можно свести к одному знаменателю: национально-государственные интересы России, вытекающие из ее отношений с Израилем и Палестиной, должны быть соблюдены в полной мере.

Без такого рода процедуры, на основе только устных договоренностей с администрацией в Вашингтоне, российскому руководству вряд ли целесообразно принимать американское предложение. Следует договариваться и с Израилем, и с Палестиной в отдельности.

Возможен и такой вариант: Россия продолжает участвовать совместно с США и другими странами в многосторонних переговорах и в то же время ищет согласия с Израилем и Палестиной. Такой образ действия имеет то преимущество, что Россия на переговорах с крупными державами по Ближнему Востоку может в определенной степени опереться на двусторонние договоренности с этими двумя странами в случае необходимости отстаивания своих интересов в регионе. Но недостатком такой стратегии может стать возможное отсутствие у России весомых аргументов экономического, политического и военного характера в случае дипломатического нажима со стороны США и их союзников в Европе.

Из сборника «Африканские страны и ООН» (март 2008 г.)

Американо-африканское взаимодействие в ООН

Это взаимодействие является частным проявлением внешнеполитической стратегии США, направленной на достижение мировой гегемонии. Ее теоретической основой служит доктрина «американского мирового лидерства», которая сформировалась как целостное учение к началу XXI века.

Говоря об американо-африканском взаимодействии в ООН, следует особо подчеркнуть, что оно необходимо США потому, что, во-первых, при всей своей военной мощи Америка нуждается в морально-политической поддержке своих акций на международной арене, в частности — в стенах ООН. Тот факт, что администрация Буша-младшего приняла решение о нападении на Ирак весной 2003 г. без санкции Совета Безопасности ООН в расчете на быструю и эффективную победу над силами Саддама Хусейна, впоследствии крайне негативно отразилось на позициях США на мировой арене и на внутривнутриполитической обстановке в самих Штатах. Вместо впечатляющей победы США получили крупномасштабную партизанскую войну, которая вкупе с аналогичным провалом в Афганистане в кампании против *талибов* (якобы совместно с «Аль-Каидой» организовавших террористическую атаку на Нью-Йорк и Вашингтон в сентябре 2001 г.) убедительно продемонстрировала всю пагубность пренебрежения мнением мирового сообщества, включая страны Африки, среди которых было много оппонентов американской политики в иракском вопросе. Обиднее всего для США было то, что среди них были такие важные для позиций Америки на континенте страны, как Нигерия и ЮАР, которые наряду с Эфиопией и Кенией упомянуты в качестве «ключевых», приоритетных в Африке в деле поддержания национальной безопасности США.

Речь идет не только и не столько о военно-стратегическом значении этих государств, сколько об их сырьевом значении для американской экономики, которая заинтересована в приобретении нефти и нефтепродуктов из Нигерии и редкоземельных минералов из ЮАР.

Во-вторых, американские администрации уже длительное время (можно даже утверждать, что со времен провала «плана Баруха» в 1949г., когда США не удалось использовать механизм ООН для закрепления своей ядерной монополии после окончания Второй мировой войны) добиваются проведения в ООН реформ, которые, по сути дела, способствовали бы превращению этой уникальной в своем роде международной организации в придаток своей внешнеполитической стратегии.

Во времена существования СССР эти реформы подавались как средство противодействия «коммунистической угрозе», после распада СССР — уже как способ повысить эффективность ООН как аналог мирового парламента, призванного регулировать международные отношения в эпоху глобализации, проводимой в духе мирового господства США.

Разумеется, такую объемную задачу Америка не может решить в одиночку, без друзей и союзников, хотя в самих США нет недостатка политиков, которые считают свою страну всемогущей, способной выполнять чуть ли не божественные функции по строительству «нового мирового порядка» и карать всех тех, кто не согласен с мировым господством Соединенных Штатов. При этом государственный департамент США каждый год публикует доклад о соблюдении прав человека в мире, где среди прочих обозначены страны, которые могут стать жертвами карательной операции США за якобы нарушение этих прав. В частности, из стран Африки в этом списке длительное время значатся Судан и Ливия.

В этой связи поддержка африканскими странами американской внешней политики, в том числе в стенах ООН, становится тактической необходимостью для администрации США.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что сближение с африканскими странами в ООН происходит на основе соблюдения принципа «американского лидерства» при принятии государствами Африки решений, касающихся поддержания международного мира и безопасности. Эта тактика подается как политика взаимодействия со странами Африки в деле реализации «общих ценностей», вытекающих из Устава ООН. Складывается некая внешнеполитическая система, в рамках которой страны Африки получают возможность решать свои проблемы, опираясь на содействие Вашингтона, а США используют благоприятное отношение этих государств для реализации своих стратегических планов на мировой арене.

При этом США предлагают африканским странам различные проекты и инициативы двойного назначения: по форме они как бы отвечают насущным потребностям стран Африки, а по содержанию они больше в интересах внешней политики США, поскольку в той или иной мере укрепляют американские позиции в Африке, поддерживают интересы США в регионе.

В частности, в последние годы много говорится о положении в суданской провинции Дарфур, где происходят кровопролитные межэтнические столкновения. Американская дипломатия использует механизм ООН для обеспечения своих интересов в регионе, богатом энергетическими ресурсами. В настоящее время к урегулированию ситуации в этой провинции, проведению там миротворческих операций подключены ООН, Африканский союз, блок НАТО. Однако радикального улучшения ситуации там не наблюдается.

Возможно, США переоценили свои возможности и не приняли во внимание в должной мере точку зрения КНР, которая не только заинтересована в суданской нефти, но и уже активно занимается ее добычей и перегонкой по нефтепроводу на терминал в Порт-Судане, откуда танкерами доставляется в Китай.

Налицо явный сбой в работе системы взаимодействия США со странами Африки в ООН, когда эти государства не смогли в нужном администрации Буша-младшего объеме помочь Америке стабилизировать внутривосточное положение в Судане и обеспечить добычу и транспортировку энергетического сырья из этой страны. В этой связи вероятно предположить, что неудача американо-африканского взаимодействия в отношении Судана приведет к определенному пересмотру тактических установок, лежащих в его основе, хотя сама система в целом явно отвечает современным стратегическим интересам США в Африке.

Скорее будет найдено компромиссное решение проблемы Дарфура с привлечением КНР и, возможно, России, которая имеет свои интересы в Судане и в регионе в целом. США не откажутся от выгодного им взаимодействия со странами Африки в ООН и на международной арене в целом. Преимущества такой политики для всех заинтересованных сторон превышают ее негативные моменты, которые время от времени неизбежно возникают как в рамках самой системы взаимодействия США со странами Африки, так и вне ее, когда американской дипломатии придется искать пути сближения и компромисса с дру-

гими, неафриканскими участниками международных отношений на континенте и вокруг него.

Вопрос:

- Недавно было создано военное командование США для Африки. Каково отношение африканских стран к этому факту и как это может отразиться на миротворчестве ООН?

Ответ:

— Когда создавалось американское военное командование для Африки – African combatant command, или Africom, то в решении американского правительства по этому вопросу говорилось, что это командование создается в целях стабилизации положения в Африке и поддержания на этом континенте мира и безопасности. Хотел бы обратить ваше внимание на следующее: Америка в настоящее время имеет Стратегическое командование, которое обеспечивает интересы США в различных регионах мира. Это в центральной части Eufocom, которое обеспечивает интересы США на европейском театре военных действий в случае необходимости; это Centcom, которое обеспечивает интересы США на Ближнем и Среднем Востоке; и это Pacificom, обеспечивающее интересы США в районе Тихого океана и Латинской Америки. Итак, Африканский континент превращается, по сути дела, в один из секторов стратегических интересов США. Что это означает? Это означает, что в любом будущем конфликте США имеют достаточно мощную группировку сил, которая обеспечит их интересы, прежде всего – в области вывоза сырья из стран Африки. Это, прежде всего, нефть.

В связи с нестабильностью на Среднем Востоке Америка уже давно проявляет интерес к африканской нефти, в том числе в Судане.

В этом смысле говорить о том, что США имеют какое-то отношение к миротворческой деятельности, по меньшей мере, несколько нелогично. Нелогично с той точки зрения, что США, участвуя или пытаясь участвовать в каких-то операциях ООН, делают это не для того, чтобы замирить эти страны. И это не главная их цель – замирить страны. А главная цель состоит в том, чтобы обеспечить порядок в этих странах для получения оттуда энергетического сырья. Американцы дают деньги, чтобы не посылать своих солдат. После Ирака и Афганистана Америка вообще перестала посылать своих солдат. Если в Ираке каждый день гибнут американские солдаты, если Буш еле держится, его популярность составляет 25-26% - это самая низкая популярность для американских президентов, то США не заинтересована направлять своих солдат еще куда-то. Они будут угрожать кому-то – они сейчас угрожают Ирану, например.

По заявлению президента Буша, которое было в марте этого года, это командование должно быть создано, сформировано, к концу следующего года. Его временная штаб-квартира находится сейчас в Штутгарте (Германия). В Африке они выбирают либо посла, либо еще какую-то страну, но сейчас они сидят в Штутгарте.

Внешняя политика США как часть архитектуры международных отношений

— Архитектура международных отношений – это многогранное явление, которое нельзя поместить в прокрустово ложе положительного или негативного восприятия действительности. Сама эта действительность представляется неким диалектическим сочетанием различных составляющих, вытекающих из внешнеполитических интересов и действий государств.

Реальность современных международных отношений состоит в том, что отдельные круги стоящих у власти политических элит по-разному воспринимают существующую действительность, основываясь на своих конкретных интересах. Зачастую эти интересы в своей сути корпоративны и основаны на взглядах и позициях деловых кругов, которые нередко финансируют и подпитывают мероприятия властей, в том числе – избирательный процесс.

Сочетание интересов деловых кругов и правящей элиты приводит к формированию той движущей силы, поступательного момента, который и определяет внешнюю политику конкретной страны в целом. При этом если по тем или иным причинам страна оказалась в зависимости от другой, более крупной и сильной державы (что вполне реально в эпоху глобализации), то она становится ее фактическим клиентом, сохраняя, однако, все атрибуты суверенитета и государственности.

В данном контексте клиентские отношения означают, что слабая страна в основном подчиняет свои национальные интересы политике крупной державы или группировки держав. В настоящее время в мире существует только одна военно-политическая группировка – НАТО, которая благодаря внутриблоковой корпоративности и подчинении интересов ее отдельных участников стратегическим интересам США, реально способна навязать свою волю не только странам, входящим в зону ответственности НАТО, но и многим другим государствам мира. За редким исключением – КНР и, возможно, России.

Иными словами, архитектура современных международных отношений формируется при доминировании США, которые в наши дни являются самым мощным государством в мире. В глобальных средствах массовой информации уже сформировался расхожий термин для определения статуса США на мировой арене как единственной на земном шаре «сверхдержавы» после распада СССР в 1991 г. Она может формировать повестку дня мировой политики по собственному усмотрению, невзирая на мнение других субъектов международного права.

Примеров для обоснования этого утверждения более чем достаточно. Взять хотя бы историю с подготовкой агрессии против Ирака весной 2003г. Несмотря на противодействие большой группы государств (прежде всего – постоянных членов Совбеза ООН России и Франции при фактической поддержке КНР), США и союзные с ней Великобритания и Испания без санкции ООН и под надуманным предлогом (якобы наличия у иракского правительства готового к применению оружия массового поражения) совершили нападение на эту страну. Затем свергли и способствовали казни ее законного президента С. Хусейна.

На международной арене эти акции не получили достойной оценки подобно тому, как в свое время было сделано в отношении фашистской Германии и Японии на Нюрнбергском и Токийском процессах. США – слишком мощная держава, чтобы кто-либо осмелился привлечь ее к суду за преступления против мира, международной безопасности и человечности. Всем хорошо известны факты глумления американских военнослужащих над военнопленными иракцами в тюрьме Абу-Грейв в Багдаде. Агрессоры и их пособники все же получили достойный отпор со стороны иракского населения в форме народной, партизанской войны. Такие войны, если брать историю международных отношений, так и не сумел подавить ни один агрессор: будь то император Наполеон – в Испании, фюрер Гитлер – в Европе или администрация США – в Индокитае. Полнейшая неспособность агрессоров и их местных сторонников стабилизировать обстановку в Ираке или Афганистане (нападение на эту страну США совершили в ноябре 2001 г.) также свидетельствует об этом.

Нынешняя агрессивность США напоминает нам, казалось бы, ушедшие в историю события середины 70-х годов прошлого века, когда США были вынуждены под натиском освободительных сил в спешном порядке выводить войска из Индокитая. Тогда (за период от «Тонкинской резолюции» конгресса США 1964 г., санкционировавшей военные действия против ДРВ, до событий апреля 1975 г., когда последние американцы были эвакуированы на вертолетах с крыши американского посольства в Сайгоне, ныне Хошимин, на корабли, стоявшие в Тонкинском заливе) потери США составили около 58 тысяч человек, имена которых упомянуты на мемориальном кладбище в Вашингтоне.

Сегодня американские солдаты и офицеры практически каждый день гибнут в Ираке (за прошедшие пять лет погибло их около 4 тысяч). 500 млрд долларов – огромная сумма – потрачены на эту безрассудную бойню.

События в Ираке подтвердили основной закон асимметричных, партизанских, народных войн – агрессор никогда не сможет одержать в них победу. Возможно только политическое урегулирование, основанное либо на возвращении к довоенному статусу, либо на учете позиций сторон в ходе мирных переговоров.

Вряд ли администрация Буша-младшего согласится на возвращение к довоенному положению в Ираке. Такой возврат означал бы крах стратегических расчетов деловых кругов, которые поддерживают эту администрацию. Речь идет о нефтяных монополиях, заинтересованных в получении иракского энергетического сырья.

Что касается мирных переговоров, то американская администрация отказывается их проводить, сделав ставку на достижение согласия с группировками, которые в свое время выступали против правительства С. Хусейна.

Политика США в Ираке порождает напряженную обстановку на всем Ближнем Востоке. Аналогичные их действия в отношении Югославии лишили мира и процветания Балканы. На Среднем Востоке не спадает напряженность в связи с их присутствием и военными операциями в Афганистане.

Наметился стратегический тупик, который администрация Буша-младшего не способна преодолеть. Своей твердолобостью она создает реальные возможности для победы на президентских выборах 2008 г. оппонентов из Демократической партии.

Нельзя не отметить, что принимаемые в Вашингтоне решения в имперском стиле в целом служат реализации проекта глобализации по американскому сценарию.

Барак Обама и Хиллари Клинтон в ходе предвыборной кампании озвучили стратегические приоритеты внешней политики Демократической партии в случае победы на президентских выборах 2008г. Губернатор же штата Нью-Мексико Билл Ричардсон (также претендовавший на пост президента США) более основательно раскрыл суть внешнеполитических подходов Демократической партии. Это он сделал в своем докладе «Новый реализм и возрождение американского лидерства», подготовленном в 2007 году в Вашингтонском центре стратегических и международных исследований на основе консультаций с бывшими президентами Биллом Клинтонем, Нельсоном Манделой и бывшим генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном.

Губернатор считает, что Америке следует восстановить реалистичный подход к своей внешней политике, отбросить догмы прошлого, которыми страдает нынешняя администрация Республиканской партии. Основная ее ошибка заключается в том, что, стремясь к руководству другими странами, республиканцы предпочитают диктовать другим, что им делать, а не пытаются превратить их в своих партнеров путем убеждения.

Это утверждение представляется весьма шатким, поскольку имеются неопровержимые доказательства иных действий администрации Буша-младшего, чем те, которые приписывает ей Билл Ричардсон в пылу полемики. В частности, Буш-младший был инициатором международного сотрудничества в борьбе с терроризмом в форме коалиции, в которой участвует и Россия.

«Новый реализм» в интерпретации Ричардсона состоит в способности США руководить миром, право на что дают этой стране: а) мощные и многочисленные вооруженные силы, б) процветающая экономика, в) крепкие партнерские отношения с союзниками, г) приверженность соблюдению прав человека и д) высокий «моральный авторитет» на международной арене как страны, соблюдающей международное право и Устав ООН».

Вместе с тем, как считает Ричардсон, стремлению США достичь «нового реализма» во внешней политике противостоят: а) «исламские фанатики», которые после падения С. Хусейна активизировали свои действия во всем мире; б) криминальные и террористические структуры, которые способны воздействовать в своих интересах на мировую экономику и получить доступ к оружию массового поражения; в) «азиатские гиганты» Китай и Индия, которые бросают открытый вызов США; г) растущее возрождение России как важного игрока на мировой и региональной аренах, имеющей значительный ядерный потенциал, контроль над богатейшими энергетическими ресурсами и склонность к «воинст-

вующему национализму». «Россия наряду с Китаем и Индией требует особо пристального внимания со стороны США»; д) усиливающаяся взаимозависимость экономик стран мира, что неизбежно в эпоху глобализации. В результате США зачастую оказываются под воздействием экономических и финансовых спекуляций, инициированных из-за рубежа; е) продолжающееся ухудшение проблем здравоохранения и защиты окружающей среды, глобальное потепление и распространение пандемии СПИД все больше угрожают существованию Америки как нации.

Чтобы справиться с этими явлениями, Ричардсон предлагает будущей американской администрации:

США следует восстановить уважение во всех государствах мира к партнерству Америки с союзниками и друзьями, основанное на соблюдении «демократических ценностей»;

расширить состав СБ ООН, чтобы он больше отвечал духу времени;

реорганизовать Секретариат и специализированные учреждения ООН; обеспечить списание долгов развивающихся стран, а Всемирному банку обратить внимание на снижение темпов нищеты населения; пересмотреть программы помощи наиболее бедным странам в сторону предоставления грантов, а не займов, которые нужно возвращать; способствовать увеличению ресурсов Международного валютного фонда для защиты мировой финансовой системы от спекуляций; присоединиться к Уставу Международного уголовного суда (МУС).

Эта рекомендация требует особого комментария. В 2002 г., когда вступил в действие Устав МУС, США отказались к нему присоединиться под предлогом его политической ангажированности. В результате американские военнослужащие за совершенные преступления за рубежом не подпадают под юрисдикцию этого суда в отличие от военных других стран, что вызвало волну протестов во всем мире. Политики из Демократической партии США не могли не обратить внимания на это обстоятельство – и добиваются пересмотра этого ущемляющего авторитет США в мире решения.

Далее. США следует срочно присоединиться к Киотскому протоколу, поскольку последствия глобального потепления касаются и их. Многие в Америке уверены, что тропический ураган Катрина, который в ноябре 2005 г. разрушил Новый Орлеан, был следствием именно такого потепления.

Америке необходимо выбросить на свалку истории концепцию республиканцев относительно «государств-изгоев» и вступить в переговоры со всеми, кто готов договариваться с США, будь то Иран, КНДР, Сирия, Организации ХАМАС или «Хезболла».

Придать прежний вес Договору о нераспространении ядерного оружия и договориться со всеми странами мира о его соблюдении.

США следует начать идеологическую борьбу с последователями исламского фундаментализма. Для этого следует искать себе сторонников в мусульманских странах или в государствах со значительной прослойкой исламского населения. США необходимо закрыть тюрьму на базе Гуантанамо и другие подобные учреждения, где содержатся подозреваемые в терроризме, и договариваться с умеренными кругами в арабских и мусульманских странах о нормализации отношений. Привлечь к этой политике арабо-американскую общину США.

Ричардсон предлагает ряд других рекомендаций для будущей администрации Демократической партии, в основном в сфере развития отношений со странами Латинской Америки. В частности, он предлагает понизить уровень блокады Кубы.

Особый упор губернатор штата Нью-Мексико делает на реализацию программ экономической и технической помощи в целях возрождения проамериканских симпатий в мире. В принципе это традиционная политика демократов, которую они проводят со времен «новых рубежей» президента Джона Кеннеди. Следует признать, что она способствует созданию ориентированных на США правящих элит в развивающихся странах.

Изучение мировоззрения других демократов, претендовавших на пост президента,

показывает, что их взгляды на будущую роль и значение своей страны на мировой арене практически ничем не отличаются от мнений губернатора Ричардсона. И этот факт может служить убедительным доказательством того, что внешнеполитическая платформа Демократической партии, по сути дела, уже сформирована. В нее могут (и скорее всего так и произойдет) вноситься изменения тактического характера, которые, однако, не меняют общую стратегическую линию внешней политики США, вытекающую из доктрины «американского мирового лидерства», т.е. установление мировой гегемонии США.

Поэтому можно утверждать, что уже само по себе выдвижение этой доктрины делает внешнюю политику США одной из основ архитектуры современных международных отношений. Отдельные кирпичики – национальные внешние политики – выстраиваются один за другим на этом фундаменте в соответствии с внешнеполитической иерархией, вытекающей из военной силы и экономической мощи каждого участника.

Что касается России, то ее место в этой структуре из кирпичиков, лежащих на фундаменте глобализации современных международных отношений, представляется если не третьестепенным, то, по меньшей мере, незавидным после многолетних усилий ее ведущих политиков по развалу и уничтожению советского наследия.

Исправить такое положение вещей может возвращение к руководящей роли государства в жизни страны, более гибкая политика, стремящаяся к поиску не согласных с американской гегемонией союзников, в том числе в стенах ООН, где исторически роль России весома, где она обладает правом вето постоянного члена в Совете Безопасности.

АМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ «НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА» И ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

За последние годы произошли существенные изменения как в международных отношениях в целом, так и в их теории. Распад Советского Союза, крах биполярной модели мира, превращение Соединенных Штатов Америки в единственную самую могущественную державу на земном шаре оказали глубокое влияние на современную мировую обстановку.

Для понимания логики международно-политического процесса на рубеже и в начале XXI века ключевыми являются понятия многополярности и однополярности. Строго говоря, вся история международных отношений протекала под знаком борьбы за гегемонию, то есть за бесспорно преобладающие позиции в мире, точнее в той его части, которая в конкретный момент истории считалась миром-вселенной или ойкуменой, как ее называли древние греки.

Скажем, с позиций Геродота, историка времен Александра Македонского, Македонская держава после покорения Персидского царства была, несомненно, империей-гегемоном. Однако лишь того мира, который был известен Геродоту и ограничивался, по сути дела, Средиземноморьем, Ближним и Средним Востоком и Центральной Азией.

Подобным же образом единственным мировым полюсом-источником силы и влияния воспринимался и Рим эпохи расцвета.

С позиций соответственно эллинистического и римского сознания современная им международная система была однополярной, то есть в их мире существовало одно единственное государство, практически безраздельно господствовавшее на всей территории, представлявшей реальный или даже потенциальный интерес для тогдашнего цивилизационного пространства.

С точки зрения сегодняшнего дня относительность «античной однополярности» очевидна. Вместе с тем, повторить уникальный и во всех отношениях ограниченный опыт империи Александра Македонского и Римской империи до сих пор не удалось ни разу. Сколько-нибудь могущественные государства – Византия, империя Карла Великого, империя Габсбургов, наполеоновская Франция, кайзеровская Германия – это только самые

очевидные и яркие примеры попыток и неудач такого рода.

Но с тем же успехом можно констатировать и другое: фактически со времен распада «античной однополярности» в межгосударственных отношениях сложилась реальная многополярность, понимаемая как существование в мире как минимум нескольких ведущих государств, сопоставимых по совокупности своих военных, политических, экономических возможностей и культурно-идеологическому влиянию.

Вместе с тем, вторая мировая война нанесла по многополярности сокрушительный удар. К концу войны обозначился колоссальный отрыв двух держав – СССР и США от всех остальных государств по совокупности военных, политических, экономических возможностей и идейному влиянию. Этот отрыв определял суть биполярности. Причем биполярность до того, как она стала структурно оформляться, сама по себе не предполагала конфронтационности.

Но, естественно, идея двудержавного управления миром вызывала стремление «менее равных» государств (роль, особенно тяжело давшаяся Британии, как справедливо отмечают авторы «Системной истории международных отношений») разобщить своих сильных партнеров, чтобы придать недостающий вес себе. «Ревность» к советско-американскому диалогу стала чертой политики не только Британии, но и Франции и целого ряда других государств. Действия всех вместе подогревали взаимное недоверие СССР и США, которое в конечном итоге привело к резкому антагонизму между ними.

В наши дни эта «ревность», как представляется, приобрела уже иной оттенок. Великобритания стремится сотрудничать с США как единственной сверхдержавой, опираясь на историческую взаимосвязь культур и традиций двух стран; в то время как Франция больше склоняется к взаимодействию с другой, быстро растущей державой – Германией и со своим старым партнером времен франко-русского союза времен Антанты: а именно с Россией.

Появляются контуры новых коалиций, которые могут оказать влияние на международные отношения в будущем.

В этой связи можно утверждать, что крах биполярности в международных отношениях и возникновение нового варианта однополярности в 90-х годах прошлого столетия отнюдь не означали общего пересмотра системного подхода к этим отношениям: отказа от многополярности. Она приобретает иные формы, более адекватные происходящим в настоящее время в мире процессам глобализации.

Переживаемая человечеством революция в области экономики, техники, информатики, социокультурном аспекте коренным образом меняет саму структуру мироустройства, в том числе его политический ландшафт, общественные идеалы.

Процесс глобализации заметно повлиял и на социальную мысль, выдвинув на повестку дня необходимость осмысления нового контекста мирового порядка, его содержания, актуальных проблем и ориентиров развития. В частности, если говорить про Африку, то прежние парадигмы «вестернизации», «модернизации», «социалистической ориентации» были отброшены, а новые еще не выработаны. С исчезновением «второго мира», то есть социалистического лагеря («содружества») во главе с Советским Союзом, само понятие «третий мир» потеряло свой смысл и употребляется лишь по инерции, хотя уже ясно, что он не является единым ни в экономическом, ни в цивилизационном, ни в геополитическом отношении.

В ходе XX века «горизонтальная» дихотомия Запад – Восток («империализм» – «социалистический лагерь») сменилась в конце второй половины столетия на отчетливую вертикаль Север – Юг с последующим расширением этих пространств за пределы их собственной географической локализации. Обозначились взаимопроникающие, похожие на слоеный пирог транснациональные ареалы мирового Севера и мирового Юга.

Кроме того, с распадом СССР и связанных с ним внешнеполитических конструкций обозначилось пестрое, одновременно турбулентное и аморфное пространство «стран с переходной экономикой».

То, что понимали под международными отношениями еще десять-пятнадцать лет назад, в настоящее время фактически не существует. Они перестают быть сферой, где формально равные и суверенные субъекты взаимодействуют между собой и выстраивают коалиции. Мы имеем дело с новым явлением, когда утверждается институт международных регулирующих органов («Большая восьмерка», НАТО, Международный валютный фонд и т.п.) и складывается сословие «государств-париев».

Все эти события предопределили не только новое состояние контекста глобального миропорядка, геополитических и геоэкономических реалий, но также обновили реестр и содержание глобальных проблем современности, основную роль в которых стремится играть в современных условиях единственная сверхдержава – Соединенные Штаты Америки, правящая элита которой претендует на мировую гегемонию в форме империи.

По мнению известного американского политолога профессора Збигнева Бжезинского, «на заре XXI века американская мощь достигла беспрецедентного уровня, о чем свидетельствуют глобальный охват военных возможностей Америки и ключевое значение ее экономической жизнеспособности для благополучия мирового хозяйства, инновационный эффект технологического динамизма США и ощущаемая во всем мире притягательность многоликой и часто незатейливой американской массовой культуры. Всё это придает Америке не имеющего аналогов политический вес глобального масштаба. Плохо это или хорошо, но именно Америка определяет сейчас направление движения человечества, и соперника ей не предвидится».

1. Нефтяная составляющая имперских притязаний США

О значении нефти в экономике США говорил в 1981 г. известный американский политолог К. Солберг: «Как только нефть заменила уголь в качестве основного источника энергии, Америка оказалась на траектории, ведущей к зениту. Именно сделав ставку на нефть, западные демократии смогли продолжить свое индустриальное развитие на основе свободного предпринимательства. Сегодня нам представляется очевидным, что демократия целиком зависит от нефти. Дешевая нефть полностью субсидировала подъем промышленного производства Европы и Америки».

В настоящее время в основном США получают нефть из Саудовской Аравии, Венесуэлы и Канады. В связи с ростом общей нестабильности на Ближнем и Среднем Востоке после военных акций западных держав против Афганистана и Ирака, возрастания опасности вооруженного столкновения с Ираном, напряженности в арабо-израильских отношениях в связи с проблемой Палестины американская администрация стремится найти новые, альтернативные источники углеводородного сырья для экономики США.

Вместе с тем, в начале XXI века наблюдается рост интереса к вывозу нефти из стран Африки. В наши дни существуют, по меньшей мере, две причины роста интереса к ввозу в США нефти, нефтепродуктов из стран Африки. Во-первых, его диктует обострившаяся в последние годы мировая энергетическая проблема и стремление Вашингтона обеспечить доступ к африканской нефти, как расположенной ближе к берегам Америки, чем ближневосточная, что снижает транспортные издержки. Во-вторых, африканские страны проявляют интерес к привлечению американских инвестиций в свою нефтяную отрасль. Поэтому в США рассматривают капиталовложения в нефтяной бизнес в странах Африки как «в высшей степени привлекательное» дело, невзирая на то, что нефтяные ресурсы африканских стран меньше, чем у государств Ближнего Востока. Администрация Буша-младшего признавала растущую роль Африки как ведущего поставщика энергоресурсов. В частности, этот продукт составляет до 87% всего объема американского импорта из Нигерии, Анголы и Габона⁵. В настоящее время одна только Нигерия обеспечивает 14% всех американских потребностей в нефти и нефтепродуктах. К 2010 г. нефть только из стран Западной Африки должна обеспечить 25% американских потребностей в этом сырье.

2. Современное теоретическое обоснование американского гегемонизма

Доктрина «американского мирового лидерства» как теоретическое обоснование

имперских претензий США возникла не на пустом месте. Она является логическим завершением длительного, поэтапного осмысления правящими кругами роли и значения своей страны в международных отношениях.

На самом первом этапе (в период становления американской государственности) появилась и затем получила широкое распространение идея о том, что Америка – богом избранная страна, куда всемогущее Провидение привело многие тысячи иммигрантов, чтобы создать образцовое во всех отношениях общество и государство. Как представляется, первым политиком США, который высказал мысль об «американской исключительности» (American exceptionalism), стал губернатор территории Массачусетс Д. Уинтроп в 1630 г. Находясь на борту одного из первых кораблей, прибывших к берегам Новой Англии с колонистами, он заявил, что представляет себе Америку как «город на холме», куда обращены глаза всех людей с их надеждами и чаяниями. И если жители этого города не выполняют предначертаний Бога, они будут прокляты во веки веков.

Страстным проповедником этой идеи стал президент Т. Джефферсон. В 1801 г. в своей инаугурационной речи он посвятил ей целые абзацы.

Впоследствии мысль об особой благосклонности Бога к США повторили многие другие американские государственные и политические деятели. В частности, в своей Гэттисбергской речи в ноябре 1863 г. президент А. Линкольн говорил об «этой нации, почитающей Бога и любимой им». В январе 1961 г. президент Д. Кеннеди подчеркивал, что цивилизаторская миссия Америки в мире была передана США божественным Провидением во времена войны за независимость; Америка обязательно выполнит Божественные предначертания на этой земле.

Еще будучи кандидатом на пост президента США, Р. Рейган говорил в ноябре 1980 г.: «Но не забыли ли те, кто сомневается в Америке, что народы должны верить в то, что сокровенный смысл испытаний Америки не доступен нашему пониманию? С самого начала нашего существования Америка верила в Божественное провидение».

Выступая перед студентами Пекинского университета во время своего официального визита в КНР в 2002 г., президент Буш-младший говорил: «США – это страна, управляемая верой в Бога. 95% американцев заявляют, что верят в Создателя, и я один из них».

Мысль о взаимосвязи Бога и США сродни теории и практике еврейского государства – Израиля, куда, согласно Ветхому завету, божественные силы переселили еврейский народ, чтобы впоследствии он выполнял их волю на земле.

На наш взгляд, эта аналогия не случайна. Она отражает духовное единство всех тех, кто претендует на преобладающее положение в мире или в его части.

Складывается впечатление, что представление о мессианской роли в мире богоизбранной державы является для ее сторонников и последователей идеологическим фундаментом стратегии, ставящей перед собою конечную цель – достижение мирового лидерства или преобладания. По свидетельству американского историка Д. Чейза, они искренне уверены в том, что Америка управляется Божественным провидением, а стремление к мировому лидерству логически вытекает из основанной на этом умозаключении теории «американской исключительности».

По нашему мнению, экономические корни этой стратегии вырастают из стремления добиться в конечном итоге ничем не ограниченного доступа к рынкам сбыта, источникам сырья и сферам приложения капитала. Именно это стремление стало особенно отличительным для американских политиков на протяжении всей истории существования США: с момента окончания войны за независимость и вплоть до настоящего времени.

При этом следует подчеркнуть, что приходя к власти, американские руководители приносили в стратегию борьбы за мировое лидерство что-то свое, новое, отвечающее их представлениям о наилучших способах достижения поставленной цели. Зачастую их личные качества способствовали или, наоборот, тормозили движение страны по этому пути. Особо выдающуюся роль в американской истории, на наш взгляд, сыграли такие президенты, как Д. Вашингтон, А. Линкольн, Д. Кеннеди и Дж. Буш-младший.

Как отмечал американский историк Д. Чейз, представление о США как о «крестоносце», «силе, ведущей борьбу за свободу», становится после Второй мировой войны неотъемлемой частью национального самосознания. Это мнение возникло сразу же после хорошо известного выступления У. Черчилля в г. Фултоне (штат Миссури) в 1946 г., в котором он призывал американскую администрацию возглавить поход западного мира против коммунизма.

Эта речь видного английского политика, официально положившее начало «холодной войне», политике «сдерживания», а затем и «отбрасывания» коммунизма, можно рассматривать и как прелюдию к последующему тесному взаимодействию США и Великобритании (как отношения младшего и старшего брата) на международной арене в борьбе за реализацию мироустройства, которое впоследствии было названо «новым мировым порядком».

Вслед за высказываниями У. Черчилля в Фултоне последовали и другие выступления, которые развивали или дополняли идеи английского политика. В этой связи следует прежде всего упомянуть президентов США Р. Рейгана, Буша-старшего и Буша-младшего.

Началось формирование того, что впоследствии историки назовут «американской империей». Нельзя не согласиться с мнением обозревателя газеты «Вашингтон пост» С. Моллэби, когда он писал, что ответ великих держав на образующийся вакуум власти может быть только один – «империализм», который защищает их интересы в условиях нестабильного мира и роста могущества отдельных государств в Азии и Африке (в контексте высказываний С. Моллэби на эту тему можно предположить, что он имел в виду такие страны, как Пакистан, Индия, ЮАР, Нигерия и т.д.).

Известный специалист в области международных отношений А. Шлессинджер-младший определял американскую империю как «неформальную», т.е. не колониальную в традиционном смысле этого понятия, когда создается управляющая администрация и используется военная сила для умиротворения непокорных. Говоря словами Шлессинджера, современная американская империя «хорошо оснащена всеми имперскими атрибутами: войсками, кораблями, самолетами, базами, проконсулами, местными коллаборационистами; она охватывает все уголки этой несчастной планеты».

По сути дела, к началу XXI столетия США превратились в «имперскую державу» (*imperial power*), как справедливо подчеркивал профессор Д. Чейз. В своей книге «Американская империя: реальности и последствия дипломатических решений США» профессор международных отношений Бостонского университета Э. Басиевич уточняет, что хотя США и не имели намерения колонизировать или напрямую управлять другими странами, это государство всегда готово применить силу для установления мирового порядка, которого оно желает. Он подчеркивает (и не без оснований): «Творцы американской политики – будь они республиканцами или демократами, консерваторами или либералами – имели совершенно четкое представление о том, как должен быть устроен мир, как им следует управлять, какие ценности при этом нужно защищать, какова основная цель всей этой деятельности и какие нормы должны быть привиты другим странам и народам по всему миру».

Суть этой структуры состоит в том, что «Америка стоит в центре взаимозависимой вселенной, такой, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит в конце концов из одного источника, а именно: Вашингтон, округ Колумбия».

При этом можно поспорить со старшим сотрудником Фонда Карнеги для всеобщего мира Р. Каганом, который в своей работе «О рае и власти: Америка и Европа при новом мировом порядке» уверяет, что растущее стремление США к гегемонии в мировой политике «широко признается и вызывает так мало опасений».

Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, можно утверждать, что «гегемонию» США в мире приветствуют отнюдь не все страны, а часть их, в той или иной степени заинтересованные в опоре на сверхдержаву для достижения своих целей.

В этой связи представляет интерес точка зрения английского историка Г. Камена. В своей книге «Империя: как Испания стала мировой державой?» он подводит теоретическую базу под взгляды сторонников американской мировой гегемонии. Г. Камен пишет: «Глобализация – это эксплуатация, но эксплуатация в интересах самих эксплуатируемых. Я думаю, что американская империя представляет из себя весьма жизнеспособную систему, поскольку она основана на удовлетворении интересов самих контролируемых ею территорий».

Как представляется, в этом высказывании можно найти ответ на вопрос, почему некоторые государства отказываются от своего суверенитета или от его части в пользу другой, самой мощной военной державы мира. Имперское мышление, характерное для правящей элиты такой державы, проецируется на аналогичную часть населения менее сильной страны в форме подчинения воле и интересам руководящих групп более развитой державы в обмен на протекцию с их стороны.

При этом для обоснования своих претензий на руководство слабой или менее сильной, чем США, страной мира американская правящая элита прибегает к пропаганде идеи о том, что в отличие от «империи зла» – СССР, которая рухнула в 1991г., США представляют из себя «хорошую империю» (good empire, по образному выражению американского политолога Чалмерса Джонсона, который занимается исследованиями в области формирования империи под руководством США и соответствующей внешней политики), сотрудничество с которой может принести только пользу всем тем, кто к этому стремится.

После распада СССР, который был ведущим глобальным конкурентом США, американская правящая элита в полном соответствии со своими имперскими притязаниями с позиции силы навязывает всему миру собственные «правила игры», которые сводятся в основном к следующему:

- никто не должен перечить Соединенным Штатам или противодействовать их деятельности на мировой арене;

- никакие условия, правила поведения или санкции, зафиксированные в международных договорах и соглашениях, заключенные в предшествующий период мировой жизни (даже с формальным участием в них самих США), не могут быть ныне применены к Соединенным Штатам без их недвусмысленного согласия;

- все значащие участники «мирового сообщества» должны согласовывать свои существенные внешнеполитические акции с Вашингтоном; отказ от такого сотрудничества может даже повлечь определенные санкции со стороны США.

Такова суть «нового мирового порядка» в интерпретации Вашингтона, что впрочем не меняет его политического содержания как мира, управляемого неким «имперским правительством» из американской столицы.

3. Борьба с терроризмом как средство укрепления международной безопасности

Выдвижение доктрины «американского мирового лидерства», по сути дела, знаменует начало новой эпохи, нового отсчета времени в американской внешней политике, когда то, что было раньше, стало представляться лишь как прелюдия к современной американской внешнеполитической линии. На наш взгляд, правящая элита США в полной мере осознала все исключительно благоприятные последствия для Америки краха биполярной модели мира и открывшиеся в этой связи перед нею возможности, реализация которых может привести к созданию некоей мировой надгосударственной структуры под эгидой и контролем США – так называемого «мирового правительства». Его аналогом, на наш взгляд, может служить так называемая «Большая восьмерка» – группировка великих держав, спаянная воедино американской мощью и влиянием.

После событий 11 сентября 2001г. в США администрация Буша-младшего начала активную борьбу с международным терроризмом. Провозгласив право своей страны единолично решать судьбы других государств и народов, Д. Буш-младший заявил: «Каждая страна в любом регионе мира должна сделать свой выбор: либо она с нами, либо с террористами. С этого дня любая страна, которая продолжает укрывать и предоставлять под-

держку террористам, будет рассматриваться США как враждебная Америке».

Далее президент Буш-младший отмечал: «Приближается час, когда мы начнем действовать. Это борьба всего мира, это борьба цивилизации. Мы не знаем, какой будет развязка. И знаем, что Бог не нейтрален. Страна должна ждать не одной битвы, а долговременной кампании, не имеющей равных в нашей истории».

В своем послании конгрессу «О положении страны» в январе 2003 г. Буш-младший конкретизировал задачи, стоящие перед США в плане борьбы с терроризмом. Он сказал: «Теперь уже в текущем столетии идеология силы и превосходства появилась вновь, она направлена на использование террора как оружия. И снова наша страна и все наши друзья стоят на стороне мира и противостоят миру хаоса и постоянной тревоги. И вновь мы призваны защитить безопасность нашего народа и надежды всего человечества. И мы готовы к этому».

В развитие этих идей администрация Буша-младшего создала так называемую Антитеррористическую коалицию, костяк которой составили члены «Большой восьмерки», прежде всего Великобритания, которая совместно с США нанесла военные удары против режима Саддама Хусейна в Ираке и талибов в Афганистане.

Предлоги для нанесения этих ударов были разные: режим талибов был обвинен в том, что оказывал содействие организации «Аль-Каида», которая, по мнению администрации Буша-младшего, организовала 11 сентября 2001г. террористические акты в США. Тем не менее, убедительных свидетельств в пользу этой теории не было приведено.

Прежнее же руководство Ирака было обвинено в том, что оно якобы создавало оружие массового поражения, хотя убедительных доказательств этого утверждения так и не было найдено. Американско-английское военное вторжение в Ирак, как хорошо известно, было предпринято без одобрения Совета Безопасности ООН.

В этой связи складывается впечатление, что развернутая администрацией Буша-младшего борьба с международным терроризмом имеет иные цели, чем те, которые декларируются публично. Частичный ответ на этот вопрос, как представляется, можно найти в «Стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов Америки», введенной в действие президентом США Бушем-младшим в сентябре 2002 г. Его отличительная особенность по сравнению с ранее опубликованными материалами аналогичного содержания состоит в том, что США впервые официально провозгласили свое намерение осуществлять «превентивные удары» против потенциальных противников, прежде всего «государств-изгоев» и их союзников, если будет доказано, что они располагают оружием массового поражения или технологиями по его изготовлению.

По нашему мнению, такого рода стратегия может принести первоначальный впечатляющий успех, но в длительной перспективе привести к затяжной «асимметричной войне», основным элементом которой станет широкое использование партизанской тактики против сил вторжения.

Например, в Афганистане, по сути дела, вплоть до настоящего времени США так и не сумели добиться стабилизации внутривнутриполитической обстановки, несмотря на то, что основные силы правительства талибов были разгромлены в течение месяца после начала акции в конце 2001 г.

Как представляется, аналогичная ситуация сложилась и в Ираке после завершения военной акции США и Великобритании весной 2003 г.

По мере развития военно-силовых действий против «государств-изгоев» (по мнению президента Буша-младшего, к ним следует отнести наряду с уже разгромленным Ираком также Иран и КНДР²⁶) сопротивление американской агрессии (по нашему мнению, именно так можно определить суть внешней политики США после несанкционированного ООН применения военной силы в Ираке) будет нарастать не только по классическим канонам партизанской тактики. Вполне вероятно предположить, что асимметричный ответ массивному применению крупных войсковых соединений и современных вооружений может принять форму удара по важным для США и их союзников на Западе эко-

номическим объектам (например, массовый поджог нефтяных месторождений), а также нападений в стиле событий 11 сентября.

* * *

Таким образом, приведенные выше соображения доказывают, что имперские притязания США в форме «нового мирового порядка» вытекают из уже сформировавшейся системы ценностей и представлений, основанных на приоритете «национальных интересов США» над нормами международного права и общечеловеческой морали. Эти притязания пользуются явной поддержкой всех слоев американской правящей элиты.

Разница между двумя крупными политическими группировками правящей элиты США (демократами и республиканцами) в отношении политики империализма как сущности «нового мирового порядка» состоит лишь в одном – какими средствами и методами следует добиваться осуществления поставленных ею целей. Как представляется, на современном этапе республиканцы более склонны к военно-силовым способам формирования американской империи, демократы – в основном придерживаются более гибкой стратегии, которая наряду с использованием силы не исключает и проведение переговоров, многосторонней дипломатии.

Судя по сообщениям американских средств массовой информации, именно такой тактике намерен следовать новоизбранный президент США Барак Обама. Ее результаты покажет недалекое будущее. Вместе с тем, хотелось бы подчеркнуть, что американская администрация любой партийной окраски не будет возражать против укрепления международной безопасности, но с условием, что эта безопасность будет гарантировать неприкосновенность США и их стратегии, направленной на достижение мирового господства. Международная безопасность должна создаваться в рамках некоей «американской империи» при полном благожелательном отношении к требованиям из Вашингтона со стороны всех государств и народов мира. Пагубность такой стратегии для мира и безопасности во всем мире совершенно очевидна и не требует комментариев. Перефразируя слова Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, которые он произнес на 63 сессии ГА ООН, применение в международных отношениях механизмов, замышлявшихся для однополярного мира, ведет в стратегическую пустоту и срывает поиск коллективных решений, направленных на обеспечение международной безопасности.

**Из сборника «Международные аспекты
конфликтных ситуаций в Африке» (июнь 2009)**

Военная политика США и НАТО в Африке и африканская безопасность

Традиционно проблемы военной политики США в странах Африки рассматриваются в американской литературе как часть стратегии, направленной на создание благоприятного климата для обеспечения многообразных интересов этой сверхдержавы в богатом природными и людскими ресурсами континенте.

До распада СССР, в разгар холодной войны превалировали военно-стратегические интересы США в Африке. Так, 1 января 1983г. было создано «Центральное командование» (CENTCOM), зона действия которого на 1 мая 2002г. охватывала территорию 25 стран, в том числе 11 государств Африки (Египет, Джибути, Кения, Сомали, Республика Маврикий, Республика Сейшельские Острова, Судан, Танзания, Уганда, Эфиопия и Эрит-

рея). Выступая 22 декабря 1983 г. в Конгрессе, министр обороны США К. Уайнберг уже тогда говорил о глобальной американской стратегии «развертывания сил на передовых рубежах»ⁱ.

Это командование, а также другие стратегические военные командования (среди них: ЕВРОКОМ для стран Европейского континента и ПАСИФИКОМ для стран бассейна Тихого океана) играют важную роль при проведении американской администрацией политики в имперском стиле. Речь идет о защите стратегически важных наземных, морских и воздушных коммуникаций, которые в случае военных действий можно было бы использовать для транспортировки войск и грузов; также о защите путей доставки жизненно важных для американской экономики видов минерального сырья от посягательств потенциального противника в любом международном конфликте, в котором участвуют США и их союзники по НАТО.

В частности, как доказывают американские эксперты (например, группа сотрудников Совета по международным отношениям в Нью-Йорке во главе с профессором Дженифер Уайтейкер), США заинтересованы в контроле над судоходством из Средиземного моря через Суэцкий канал, Красное море и Баб-эль-Мандебский пролив в Аравийское море; а также из восточной части Тихого океана через Мыс Горн (или Панамский канал) через Южную Атлантику и Мыс Доброй Надежды в Индийский океанⁱⁱ.

При этом для пополнения запасов продовольствия, топлива и воды патрулирующие указанные выше стратегические морские коммуникации американские военные корабли будут использовать местные ресурсы, что заставляет США предусмотреть создание своих военных объектов в прибрежных странах, в том числе и африканских. Дипломатическое и политическое обеспечение этой стратегии предполагает формирование дружественно настроенных к США режимов в этих странах.

В практическом плане во времена холодной войны эта стратегия претворилась в модернизации или строительстве американскими военными разного назначения объектов, которые, как правило, совместно использовались с местными властями и которые были законсервированы или переданы в распоряжение принимающей стороны после окончания холодной войны. В Египте – это Кайро-Уэст, Вади-Кена, Луксор, Асуан, Рас-Банас (на побережье Красного моря), военные объекты в районе оазиса Фарафра, вблизи Мерса-Матруха и в районе Эль-Аламейна (на берегу Средиземного моря); в Кении - модернизирована акватория порта Момбаса для приема крупных кораблей; в Сомали - реконструированы аэродром и порт в Бербере (сам аэродром имеет ВПП длиной более 4 км, что позволяет принимать все типы современных боевых самолетов); в Судане - военные базы в Суакине (на берегу Красного моря), Эль-Фашере (близ границ с Ливией и Чадом) и в Донголе (севернее Хартума); в Марокко — военные объекты в Танжере, Сиди -Яхья, Сиди -Букнаделе, Бен-Герире, Бен-Слимане. Между США и Марокко была достигнута договоренность о «стратегическом согласии».

Предполагалось, что все эти объекты предназначены для «сил быстрого развертывания», которые будут использованы как в рамках СЕНТКОМ, так и Стратегического командования американских сил в Европе (ЕВРОКОМ), в зону оперативной ответственности которого, судя по материалам Министерства обороны СШАⁱⁱⁱ, входят Алжир, Ангола, Бенин, Ботсвана, Буркина-Фасо, Бурунди, Камерун, Кабо-Верде, ЦАР, Чад, Конго (Браззавиль), Кот-д'Ивуар, Экваториальная Гвинея, ДРК, Габон, Гамбия, Гана, Гвинея-Бисау, Лесото, Либерия, Ливия, Малави, Мали, Мавритания, Марокко, Мозамбик, Намибия, Нигер, Нигерия, Руанда, Сан-Томе и Принсипи, Сенегал, Сьерра-Леоне, ЮАР, Свазиленд, Танзания, Тунис, Уганда, Замбия и Зимбабве.

На о. Диего-Гарсия (архипелаг Чагос в Индийском океане) были построены базы ВВС и ВМС, способные принимать стратегические бомбардировщики Б-52 и атомные подводные лодки. В боевой обстановке эти объекты нашли применение уже трижды: в 1991 г. во время операции «Буря в пустыне» в районе Персидского залива, в 2001 г. во время боевых действий против режима талибов в Афганистане и в 2003 г. при проведении

военной акции в Ираке.

С 90-х годов прошлого века в связи с изменением общих глобальных намерений Вашингтона после распада СССР на одно из первых мест вышел военно-политический аспект в стратегии США в Африке. В этот период США уделяли основное внимание формированию «межафриканских сил» по поддержанию мира.

В августе 2001 г. Пентагон разработал «Стратегию для стран Африки южнее Сахары». Она предусматривала участие вооруженных сил США в обеспечении поставок стратегического минерального сырья из африканских стран (прежде всего нефти, а также золота, алмазов, меди, бокситов, урана, марганца и кобальта); в борьбе с организованной преступностью и распространением наркотиков; в миротворческих операциях; в борьбе с распространением остроинфекционных заболеваний (особенно со СПИДом). Речь шла об охране мест добычи и транспортировки этих видов сырья.

После событий 11 сентября 2001 г., когда были совершены террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне, поменялись глобальные военные планы США. Как и во времена холодной войны, Африканский континент вновь стал стратегически важным. Одновременно он постепенно превращается в поле соперничества с другими крупными мировыми державами, которые проявляют возрастающий интерес к природным ресурсам стран Африки, прежде всего, энергетическим. Террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне заставили американских политиков оценить значение африканских стран, как «второго фронта» в глобальной войне с терроризмом, по выражению профессора Университета Лойолы в Чикаго Питера Шредераiv. При этом Пентагон сконцентрировал свои усилия на странах Северной и Восточной Африки, в частности на Африканском Роге, в силу того, что в географическом, культурном и религиозном отношении эти государства примыкают к районам Ближнего и Среднего Востока – «центрам глобальной активности террористического характера», которая происходит на громадных территориях от Марокко до Индонезии.

В этой связи Пентагон разработал и активно претворяет в жизнь целый ряд программ для стран Африки. Первая из них касается деятельности Объединенной специальной боевой группы в районе Африканского Рога (Combined Joint Task Force – Horn of Africa). В ее задачу входит борьба с «ячейками Аль-Кайды» и ее сторонников в Восточной Африке – в Джибути, Эритрее, Эфиопии, Кении, Сомали, Судане, а также в Йемене. В наземных операциях участвуют более 1.000 американских военнослужащих из состава Сил специального назначения США. Патрулирование прибрежных вод осуществляет Объединенная специальная боевая группа 150. В ее составе боевые корабли из США, а также Германии, Испании и Великобритании. Наряду с этим в регионе действует специальный самолет ЦРУ «Придейтор», предназначенный для поиска и уничтожения с воздуха «террористических целей»v.

В этой связи следует отметить, что Республика Джибути находится на «острие» борьбы за американские интересы в восточной Африкеvi. Там же расположена и радиостанция «Radio Sawa», которая круглосуточно ведет передачи на арабском языке на Судан и страны Ближнего Востока. Джибути является одним из крупнейших африканских получателей американской военной помощиvii.

Второй региональной программой обеспечения безопасности в странах Африки, запущенной Пентагоном после событий 11 сентября 2001г., стала Пан-Сахельская инициатива (Pan-Sahelian Initiative). Первоначально в ней участвовали четыре страны – Чад, Мали, Мавритания и Нигер. Ее цель состоит в том, чтобы не дать создать на территории этих государств «хорошо вооруженные и обученные группы исламских боевиков, которые получают обильное финансирование от своих покровителей».

На практике осуществление этой инициативы происходит в виде участия подразделений Американских сил специального назначения (U.S. Special Forces) в совместных с местными вооруженными силами операциях – прежде всего в поиске и уничтожении «исламских террористов». Действующие американо-африканские подразделения оснащены

армейскими грузовиками и специальным оборудованием, позволяющем определять точное местонахождение объектов для удара (Global Positioning System). Указанные подразделения уже провели несколько успешных операций, наиболее выдающаяся из которых состояла в захвате руководителей базирующейся на территории Алжира организации под названием « Groupe Salafiste pour la Predication et le Combat ».

Впоследствии основываясь на разведывательной информации, Министерство обороны США пришло к выводу, что Пан-Сахельскую инициативу следует распространить на большее число стран Африки, чем это было задумано в 2001г. В результате в 2005г. эта программа была преобразована в Инициативу по борьбе с терроризмом в Сахарском регионе (Trans-Saharan Counter Terrorism Initiative). Ее действие было распространено кроме указанных ранее четырех африканских государств также на Алжир, Марокко, Тунис, Сенегал и Нигерию. Причем для военных планов США в этом регионе особую ценность представляло участие в ней Сенегала – «наиболее важного франкоязычного партнера» США в Африке южнее Сахары, а также Алжира, где пересекаются транссахарские маршруты передвижения.

В дальнейшем сотрудничество американских сил специального назначения и военных подразделений всех указанных выше государств осуществляется на регулярной основе путем совместного патрулирования местности.

Третья программа военного характера, имеющая отношение к Африке, была запущена в 2003г. и называлась Инициатива по борьбе с терроризмом в Восточной Африке (East Africa Counter-Terrorism Initiative). Она охватывает Джибути, Эритрею, Кению, Танзанию и Уганду. Эту программу курирует Государственный департамент США, который и обеспечивает ее финансирование в размере 100 млн. долл. в год. Ее цель – уничтожить создаваемую годами «террористическую сеть Аль-Кайды в Восточной Африке» и предотвратить повторение таких ее операций в этом регионе, как нападение на посольства США в Кении и Танзании в 1998г. и на туристические объекты Израиля в Момбасе в 2002г. В рамках этой программы осуществляется Инициатива «Чистое небо над Африкой» (Safe Skies for Africa Initiative), которая обеспечивает безопасность воздушного сообщения в регионе. В Найроби (Кения) находится представительство американского советника по вопросам обеспечения безопасности воздушного передвижения над Восточной Африкой (East African Aviation Security Advisor), который официально координирует всю деятельность в этом регионе в рамках Инициативы «Чистое небо над Африкой».

Взятые вместе, все указанные выше программы в области обеспечения безопасности в Африке являются основой современной военной политики США на континенте. При этом они делят африканские страны по принципу приоритетности для американской внешней политики в регионе. К первой, наиболее важной группе, относятся страны Северной и Восточной Африки, поскольку они непосредственно примыкают к району ближневосточного конфликта, своеобразного эпицентра начатой администрацией Буша-младшего «глобальной войны с терроризмом». Вторая группа включает в себя крупные африканские государства, т.н. «региональные центры силы», которые поддерживают американскую политику «борьбы с терроризмом». Среди этих государств - Нигерия, ЮАР, а также Алжир, Эфиопия, Кения и Сенегал. Третья группа государств состоит из нефтедобывающих стран Гвинейского залива, которые важны для США с экономической точки зрения. Остальные страны Африки южнее Сахары, которые представляют в основном «эпизодический интерес» для американской политики в регионе, входят в четвертую в смысле приоритетности для США группу государств.

Общая активизация американской военной политики в Африке в последнее время способствовала, в частности, расширению военно-технической помощи странам континента. Речь идет прежде всего о Программе международного военного обучения и образования (International Military Education and Training - IMET). В ее рамках африканские страны направляют в США на обучение своих военнослужащих. При этом наряду с чисто военной направленностью эта программа имеет и политическое значение, поскольку воз-

вращаясь в свои страны, обученные в США африканские военнослужащие получают воспитание в духе преклонения перед мощью Америки, ее политикой и культурой и, в случае своего участия в военном перевороте (которые часто происходят в африканских странах), неизбежно становятся проводниками американской политики в Африке. В 2005г. участие в этой программе принимала 41 африканская страна, в 2006г. – уже 45 государств Африки южнее Сахары. За исключением Ливии страны Северной Африки также принимают участие в этой программе, причем ассигнования на обучение военнослужащих именно из этих государств существенно возросли после 11 сентября 2001г.

Еще одна программа, которая получила развитие в Африке после террористического нападения на США в 2001г., называется Программа финансирования военных операций за рубежом (Foreign Military Financing Program-FMF). Ее цель состоит в том, чтобы предоставить дружественным США режимам американское военное оборудование и технику, что позволит им «усилить и модернизировать свои оборонные возможности, обезопасить свои границы и территориальные воды, обеспечить свои другие законные нужды в области безопасности, усилить их взаимодействие с американскими вооруженными силами и поддерживать коалиционные действия в рамках войны с терроризмом». Восемь африканских стран участвуют в этой программе. Среди них – Египет, Тунис, Марокко, Джибути, Эритрея, Эфиопия, Кения и Уганда.

В 2006г. администрация Буша ввела в действие еще одну программу под названием Глобальная инициатива в области миротворческих операций (Global Peace Operations Initiative – GPOI), которая применительно к африканским странам приняла форму программы АКОТА (Помощь в обучении проведения антитеррористических операций в Африке или African Contingency Operations Training and Assistance – АСОТА). Эта программа заменила действовавшую с 1996 г. Инициативу по ликвидации кризисных ситуаций в Африке (АКРИ) или African Crises Response Initiative). Основное отличие программы АКОТА от АКРИ состоит в том, что она нацелена на подготовку военнослужащих для проведения операций наступательного характера в районе Африканского Рога (СЈТЕ-НОА Initiative). Как представляется, примером таких операций может служить участие эфиопской армии в наступлении на столицу Сомали – Могадишо в начале 2007 г. в целях освобождения ее от подразделений, лояльных Союзу исламских судов, выступающих против Временного переходного правительства Сомали. При этом американские самолеты неоднократно бомбили объекты на территории, находившейся под контролем этого Союза.

В Восточной Африке программа АКОТА осуществляется в форме Инициативы по борьбе с терроризмом в Восточной Африке (ЕАСТІ Initiative), а в Пан-Сахельском регионе - Инициатив по борьбе с терроризмом в Сахарском регионе (PSI and TSCTI Initiatives). Основными получателями средств в рамках программы АКОТА являются Мали, Нигер, Эфиопия, Кения и Уганда.

По мнению Верховного командующего войсками НАТО в Европе (Supreme Allied Commander in Europe – SACEUR) генерала Джеймса Джоунса, основная цель всей упомянутой выше военной активности США в Африке создать «содружество баз» (family of bases), которая позволит Пентагону реализовать на практике положения Стратегии национальной безопасности США о нанесении превентивных ударов по «очагам терроризма»^{xi}.

Таким образом, в начале XXI века администрация США сделала «борьбу с терроризмом» краеугольным камнем своей внешней политики и военной стратегии. С военно-политической точки зрения возрастание интереса США к африканским странам на современном этапе объясняется не только стремлением создать необходимые военную инфраструктуру и систему отношений для гарантирования беспрепятственного доступа к источникам минерального сырья в Африке. В этой связи представляет интерес еще одно высказывание генерала Джеймса Джоунса, а именно о том, что США стремятся увеличить количество своих военнослужащих в Африке, где существуют «большие, неконтролируемые местными властями районы, через которые без сомнения проходят маршруты наркоторговцев, где расположены лагеря для обучения террористов и существует очаги нестабиль-

ности...Африка представляет большую важность как для НАТО, так и для США. Авианосные ударные группы и экспедиционные силы не должны находиться на шестимесячном постоянном дежурстве в Средиземном море. Я более, чем уверен в том, что половину этого срока они будут проводить у берегов Западной Африки». На наш взгляд, высказывания генерала Джоунса позволяют предположить, что группировка вооруженных сил США, расположенная на базе в Джибути, может служить основой для создания в будущем африканских «сил быстрого реагирования» НАТО.

Следует также подчеркнуть, что военные и военно-политические усилия США по защите американских интересов в Африке проводятся через союзников на этом континенте, которыми, согласно «Стратегии национальной безопасности США», являются как страны, способные обеспечить «эффективное управление» (good governance) своей экономикой и государственным аппаратом, а также распространить на другие страны, прежде всего своих соседей, американское понимание демократии и борьбы с терроризмом, так и на Африканский союз как общеконтинентальной организации для обеспечения внутривнутриполитической стабильности и экономического развития африканских государств, особенно тех из них, где заканчиваются при американском военном-политическом участии гражданские войны и власть переходит в руки сил, которые во многом «благодарны» США за прошлую поддержку.

Своеобразной вершиной военной и военно-политической активности Пентагона в Африке стало решение президента США Дж. Буша создать Объединенное боевое командование для Африки (Unified Combatant Command for Africa) или АФРИКОМ (Africa Command). Объясняя свое решение, он заявил, что новое командование усилит «наше сотрудничество в области безопасности со странами Африки, принесет мир народам континента и будет содействовать их экономическому и гуманитарному развитию. США намерены тесно взаимодействовать с лидерами африканских государств в рамках АФРИКОМ».

В комментарии южноафриканского агентства информации «Интер Пресс Сервис» приводится следующее обоснование необходимости создания специального военного командования США для стран Африки: «Особую заботу в Вашингтоне вызывает растущее значение африканских государств в «глобальной войне с терроризмом», важность природных ресурсов Африки, особенно нефти и газа, в мировой экономике и заметное усиление соперничества с Китаем (среди других стран) за обладание этими ресурсами»^{xii}.

В последующем АФРИКОМ взял под свое крыло все изложенные выше программы Пентагона относительно военного сотрудничества со странами Африки, прежде всего в сфере подготовки Африканских сил по поддержанию мира. Так, к началу 2009г. их численность достигла 100 тысяч человек. Центры по подготовке этих подразделений американскими инструкторами из АФРИКОМ расположены в Сенегале, Гане, ЮАР, Мали и Кении. Более того, при штаб-квартире ЭКОВАС во Фритауне (Сьерра Леоне) работает военный советник из США, в задачу которого входит содействие тыловому обеспечению операций ЭКОВАС в области обеспечения мира и безопасности.

США действительно много сделали для создания Африканских сил по поддержанию мира, советниками которых выступают военные специалисты из АФРИКОМ. Вместе с тем, насколько велика их эффективность существуют определенные сомнения. Дело в том, что создание стратегического командования вне территории США предполагает применение крупных воинских формирований для достижения крупномасштабных целей, которые оправдывали бы такое развертывание вооруженных сил США. Понятно, что такими целями могут стать (предположим, для Стратегического командования США в Европе – ЕВРОКОМ) сдерживание или ведение военных действий против крупного потенциального противника, каким исторически считается Россия или (предположим для Центрального стратегического командования – СЕНТКОМ) – для защиты американских интересов в густонаселенных странах Ближнего и Среднего Востока.

Ничего подобного в Африке не наблюдается. На континенте просто не существует для США крупного потенциального противника, конфликт с которым предполагал бы

стратегическое развертывание вооруженных сил США. В Африке не существует ни оперативного простора для боевых действий крупных воинских формирований, ни угрозы национальной безопасности США, которая оправдывала бы применение всей мощи американской военной машины, в том числе ее ядерной составляющей. Смешно применять эту мощь против вооруженного стрелковым оружием противника.

В Африке в который раз США сталкиваются с извечной своей дилеммой – как совместить ядерную мощь с борьбой против иррегулярных повстанческих формирований, применяющих партизанские методы ведения военных действий. Американская стратегия вновь и вновь оказывается в плену иллюзии, что крупное воинское формирование способно не просто захватить территорию противника, но и заставить его признать свое поражение, отказавшись от ведения партизанской войны. Наглядным недавним примером являются кампании против Афганистана и Ирака, когда легко захватив территорию, США не знают, как реально умиротворить население, которое каждый день наносит удары по оккупантам и их сторонникам.

Примеры можно найти и из реальной обстановки, сложившейся в суданской провинции Дарфур и в Сомали. Так, на тыловое обеспечение операций Гибридных сил ООН и Африканского союза американская администрация уже истратила более 100 млн. долл., однако до окончательного примирения враждующих сторон в этой провинции Судана еще очень далеко. Подготовленные американскими инструкторами африканские подразделения из Миссии Африканского союза в Сомали не могут не только прекратить пиратство у сомалийских берегов, но и добиться подчинения враждующих между собой группировок власти международно-признанного правительства Сомали. Дело дошло до того, что когда пираты захватили датский корабль «Маерск Алабама» с американским экипажем на борту (корабль перевозил грузы по контракту с Пентагоном), моряки сначала не сумели предотвратить арест своего капитана, а затем целая эскадра американских военных кораблей не смогла ничего сделать для освобождения капитана «Маерск Алабама». Лишь введение в действие «Морских котиков» – американского спецназа позволило обезвредить пиратов и освободить капитана суднаⁱⁱⁱ.

Примечателен тот факт, что приказ уничтожить этих пиратов отдал сам президент Барак Обама – главнокомандующий вооруженными силами США. По нашему мнению, принятие решения об уничтожении группы пиратов на столь высоком уровне может означать только одно – американское руководство сковано в своих действиях политическими мотивами (как, например, применение силы против иностранных граждан, которые удерживают в плену американца, будет расценено как акт вмешательства во внутренние дела независимого государства – Сомали) и поэтому неспособно адекватно реагировать на возникающие в Африке угрозы, что не может не отражаться на уровне безопасности африканских государств.

По данным газеты «Washington Post», администрация Обамы рассматривала возможность проведения военной операции против сухопутных баз пиратов в Сомали, однако отказалась от такого решения, поскольку «необдуманный удар мог бы иметь негативные для США дипломатические и политические последствия далеко за пределами Африканского Рога».

Таким образом, создание АФРИКОМ явилось своеобразной военно-политической ловушкой для американской администрации, которая, с одной стороны, не может пойти на ввод в страны Африки регулярных подразделений США, опасаясь обвинений в проведении империалистической экспансии в этом богатом природными ресурсами регионе мира, что может поставить под угрозу отношения США с развивающимися странами в целом, а, с другой, явная неспособность подготовленных американскими инструкторами Африканских сил по поддержанию мира как самостоятельно, так и в рамках Африканского союза добиться урегулирования в проблемных для США странах Африки на американских условиях ставит под сомнение саму идею обеспечения африканской безопасности под иностранным контролем.

Более того, АФРИКОМ не способен обеспечить безопасность даже в отдельно взятом регионе невзирая на просьбу законного правительства страны. Например, Нигерии. Министр обороны этого государства Адемола Серики официально обратился к заместителю командующего АФРИКОМ Карлин Йейтс с просьбой обеспечить охрану долины реки Нигер, где добывается основная часть нигерийской нефти и где действуют местные банды, которые мешают этой добыче. В ответ К. Йейтс заявила, что США играют «вспомогательную роль» с точки зрения обеспечения африканской безопасности и все, что американская администрация может сделать, это внимательно выслушать мнения своих африканских партнеров. Американский посол в Нигерии Робин Сандерс прокомментировала эти высказывания в том смысле, что правительству Нигерии следует прежде всего развивать демократические процессы в стране прежде чем ставить вопрос об американском содействии укреплению безопасности Нигерии.

Африканская безопасность должна быть заботой самих африканцев, а не присланных из-за океана советников и специалистов. Страна, которая неоднократно вмешивалась в прошлое во внутренние дела других стран и народов мира, по определению не может быть честным исполнителем воли африканских народов, которые искренне стремятся к обеспечению нормальной жизни на своем континенте в условиях полной свободы и безопасности.

Малопродуктивность одностороннего вмешательства США без поддержки друзей и союзников во внутренние дела других государств начинают осознавать и в правящих кругах США. Примерами могут служить высказывания президента Б. Обамы о партнерских отношениях Вашингтона с исламским миром, о стремлении США создать новую коалицию государств, цель которой борьба с политикой, основанной на «маргинальной идеологии».

Как представляется, под этим новым в американском политическом словаре термином подразумевается хорошо известная в прошлом политика изоляции и уничтожения тех сил, которые по разным причинам не приемлют американскую модель глобализации и выступают за дифференциацию своей внутренней и внешней политики.

Особо хотелось бы отметить роль американского разведывательного сообщества в странах Африки. По словам заместителя государственного секретаря Р. Армитиджа в первой администрации Буша-младшего, значение внешней разведки и получения закрытой информации резко возросли после событий 11 сентября в США.

Многие конкретные операции, проводимые ЦРУ в Африке, еще засекречены, и пройдет немало времени, прежде чем станут известны их подробности.

Вместе с тем, как свидетельствует бывший посол США в Гвинее и Кении У. Этвуд, американские послы в Африке работают в тесном контакте с представителем ЦРУ в конкретной стране и осведомлены обо всех мероприятиях, проводимых по линии этого ведомства^{iv}. По его мнению, «при должном контроле ЦРУ является и останется важнейшим орудием нашей внешней политики».

Это вновь подтвердил руководитель ЦРУ США Леон Панетта. Так, выступая в сенате США при утверждении своей кандидатуры на должность директора этого учреждения, он заявил, что работа в отношении России, Китая и стран Африки должна быть включена в список основных приоритетов деятельности ЦРУ в XXI веке^v. Работа ЦРУ против России и КНР исторически близка и понятна и не требует специальных комментариев. Однако – Африка?

Это заявление Л. Панетты скорее всего может свидетельствовать о том, что администрация Обамы действительно рассматривает Африканский континент как особо важный для американской внешней политики в текущем столетии и соответственно должна строиться стратегия как российских, так и политиков других государств мира.

Таким образом, изложенный выше материал позволяет высказать мнение о том, что усиление милитаризма в политике США в Африке в последнее время можно объяснить стремлением провести основательную подготовку к возможному росту соперничества с

другими крупными государствами мира за природные ресурсы Африканского континента, прежде всего энергетические. О серьезности намерений американской администрации в этой области может служить решение создать АФРИКОМ, что со стратегической точки зрения ставит африканские страны на тот же уровень приоритетности для американской внешней политики, что европейские и азиатские государства, с которыми США длительное время связаны всевозможными узами.

Вместе с тем, создание АФРИКОМ как регионального продолжения глобальной стратегии США, направленной на создание условий для мирового господства, вряд ли послужит делу укрепления африканской безопасности. Иностранное военное командование для Африки будет способствовать только укреплению позиций тех кругов, которым выгодно использование силы для достижения своих целей и которым безразлично стремление африканских народов и их политиков добиваться укрепления безопасности и мирного развития на континенте в рамках Африканского союза, либо на двусторонней основе.

ⁱ Цит. по: Американский экспансионизм. Новейшее время. М.: Наука, 1986. С.582.

ⁱⁱ Africa and the United States Vital Interests, Ed. By Jennifer Seymour Whitaker, A Council on Foreign Relations Books, N.Y.: New York University Press, 1978, P.128.

ⁱⁱⁱ См. <http://www.eucom.mil/ADR/index.htm>, dated 18 June 2003.

^{iv} *Schraeder, P.* North and East Africa As “Second Fronts” in the Bush Administration’s War on Terrorism. A Presentation Prepared for 49th Annual Meeting of the African Studies Association, Nov. 16-19, San Francisco, California, P.8.

^v Ibidem.

^{vi} The U.S. Department of State. The Congressional Budget Justification. Foreign Operations. Fiscal Year 2006 (далее цитируется как “Bush Administration Foreign Aid Request for 2006”), Wash., 2005, P. 253.

^{vii} Там же.

^{viii} Bush Administration Foreign Aid Request for 2006..., op. cit. P. 268-269.

^{ix} President George Bush. The National Security Strategy of the United States of America, September 2002, Wash. www.allafrica.com, January 18, 2007.

^x President George Bush. The National Security Strategy of the United States of America, September 2002, Wash. www.allafrica.com, February 1, 2007.

^{xiii} <http://news.mail.ru/incident/2506549/print/>.

^{xiv} Эмвуд У. Красные и чёрные: личные впечатления, М.: Прогресс, 1968. Выпуск первый, пер. с англ. С.183.

^{xv} <http://news.mail/politics/235252/print/>, February 6, 2009.